

ВЛАДИМИР КАРПОВ

ТЕНЬ МУЖЧИНЫ

РОМАН

Серый помнил, когда мыс Ильи “под Маяком” был ещё запретной зоной. Мальчишками сюда ходили ловить креветку и краба: крадучись, затемно, крутым каменистым берегом — ноги пообломаешь! Наверху настоящие пограничники: возьмёт постовой да как полоснёт автоматной очередью! Но мальчишки-то знают: именно здесь, где опасно, краб и креветка вкусотищи небывалой! А ловля — дело нехитрое: опустили в воду специальный фонарь, море чистое, нетронутое, с густыми водорослями по дну, ракообразные сами на свет гребут, аж глазёнки под лучами искрятся!..

Теперь он закладывал здесь фундамент жилого дома. Лепота невероятная! Вид моря на две стороны: Феодосийский залив и Двукорную бухту. Город с высоты у морской косы — к ночи, когда огни загораются, полумесяцем таким, живым — мерцающая галактика!

Но водителей сюда не загонишь даже за переплату: дорога разбита, грунтовая. Бетон удалось привезти только к вечеру. Бригада наполовину разошлась: у одного зуб разломило, у второго жена рожала — пришлось отпустить. Начальник сходу сбросил пиджак, закатал рукава рубахи и “заодно с народом” приналёг на совковую лопату, чтобы успеть, пока раствор не затвердел.

КАРПОВ Владимир Александрович родился в 1951 году в Бийске. Начинал трудовую жизнь геологом в Якутии, о чём впоследствии написал роман “Минерал № 1”. Окончил Ленинградский театральный институт и по распределению работал в челябинском ТЮЗе. Дебют как писателя состоялся в журнале “Наш современник” в 1978 году. Окончил Высшие литературные курсы в Литературном институте имени М. Горького. Публиковался в журналах “Урал”, “Москва”, “Наш современник”, “Смена” и других. Автор более десятка книг. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

— Серый, — окликнул помощник, рослый улыбчивый Олежка: работники в бригадах были чаще всего старше или ровесниками начальника, поэтому и звали его, как “прилипло” с детства: — Серый, тебе опять выговор дома будет...

Сергей тряхнул головой и заторопился к мобильному телефону: о людях-то он подумал, у кого какие проблемы, а про себя забыл. Жена дома, детки: три, четыре и шесть. Дочки!

— Это... — красноречиво начал Сергей, почёсывая темечко, — я тут задерживаюсь, работа...

“Выговор” Лиза ему никогда не делала. Но молчанье её, продолжительное, с лёгким, едва слышимым вздохом, было хуже укоров. Он привёл её в родительский дом восемнадцатилетней, “почти школьницей”. И она, родив подряд троих, так и оставалась совершенно юной.

— Фундамент заливаем, начало дому!.. — брал Серый более звучные ноты.

— Мне что... — ровно произнесла Лиза. — Дети папу не видят...

Он ясно представлял, как стояла она с телефоном: уровнем можно мерить, струнка!

— Всё! В выходной выедем все на Песчаную балку!

— С твоими друзьями из бригады?

— Нет, только мы и дети!

— Работай, сколько надо. Мы подождём. Я же понимаю...

Голос у Лизы особенный, неожиданно глубокий, мерный — так и хотелось разлить его по стаканам и всех угостить покоем. “Жись-то” нервная!

— Особняк мы тут закладываем одному из Москвы, знаешь, вот под “Маяком”, на пустыре? — у Сергея роились в голове свои планы: — Завидное местечко!..

Так и виделся здесь собственный домик, но сказать об этом не успел: в трубке запищали гудки.

— Вон там, — указал Олежек на крайнюю точку Двужкорной бухты, уходящую отдельным полуостровом далеко в море, — монах жил. Отец Иван.

Сергей понял дело так, что монах здесь жил недавно, и Олег у него бывал.

— Это он на месте Торпедного завода поселился? — Торпедный завод здесь располагался в советские времена.

— Ну, темнота! Торпедный завод был на мысе. Видишь, как будто коза прыгнула. Поэтому он и называется: Киик-Атлама — Прыжок Козы. Это полуостров. А вот ещё островок. “Иван-баба”. “Баба” — по-татарски “отец”. То есть Отец Иван. Так монаха звали. Он в Средние века жил. К нему паломники на мыс по жёрдочке переходили, — Олежек даже показал, как надо было идти: жёрдочка должна была лежать на высоте метров в тридцать, внизу скалы. — Так что кто попалю не шёл!

Сколько здесь Сергей бывал, а впервые рассмотрел словно оброненную каплю суши, отстоящую от мыса. И прораб удивлял: в школе был “оторви и брось”, и вдруг с годами в историю ударился, в Православие.

Вернулся Серый затемно. Поставил машину во дворе так, чтобы отцу с утра, если потребует, удобно было выехать. Громадный “кавказец” Вулкан, звякнув цепью, завилал хвостом, ласково заскулил, понимая, что поздно, попусту будить людей не надо. Сергей потрепал пса по загривку: любил он их, собак!

Справа от дома, отделённый мощёным тротуаром, благоухал огород. Под южными звёздами даже в ночи отливали светом красные щёки помидоров, грецкий орех на рослом дереве лоснился ворсистой чешуей. Вотчина мамы.

Ближе к крыльцу располагался “живой уголок”. На тёсаной рогатине в соломенном гнезде “сидел” белый аист — в полутьме, будто настоящий. В маленьком прудике, обложенном разрисованными камешками, раскрашенные утки, на первый взгляд, тоже казались живыми. Всё это рукотворные фантазии Лизы!

Мама, как всегда, с вечера варила щи. Отца когда-то научил приятель-гаишник, мол, если с вечера “употребил”, с утра обязательно первое: никакой тест на алкоголь ничего не покажет. Отец выпивал умеренно, и сын не особо, но суп с утра — как правило!

— В холодильнике котлеты. Лиза нажарила, как ты любишь, с чесночком! — мама “острого” не любила, и даже мясной суп у неё получался пресным.

Была она моложавой, очень подвижной: будто вечно куда-то спешила. Хотя по детству он её помнил совершенно другой: тихой, размеренной. Мама тогда работала чертёжницей в военном НИИ, где и отец, который был ведущим научным сотрудником: его в те годы в Крым и прислали как специалиста. От НИИ простыл и след, мама была потом и уборщицей, и продавщицей. Стала страховым агентом, и как иной человек родился. А может, это и от возраста: современные бабки, не под стать “ранешним”, они же все беспокойные!

— Ты с этой работой совсем себя изведёшь, кожа да кости...

Привычно успевала она выговаривать, будто не знала, что детей — трое, Лиза пока с маленьким, отец болен, на лекарства работает, дом строили — ещё не достроили, и куда ему? В охрану, что ли? Сутки работает, трое спит? А на что жить?

— Вон по телевизору показывали одних, — телевизор на кухне вёл свою параллельную жизнь, — он тоже всё работал, работал, а жена от скуки то с одним, то с другим. От кого родила — сама не знает, в следующей передаче покажут...

Серый повинно улыбался, кивал. Ухватил котлету, испытывая прилив нежности от сознания, что её делала жена. Кухня, просторный зал и спальня родителей Сергея располагались на первом этаже. На втором в трёх комнатах царствовали молодые с детками.

Со второго этажа сочился слабый свет. Значит, Лиза ещё бодрствовала, дожидалась его. Спешно откусывая, пошёл по лестнице, в очередной раз укоряя себя за скрип в половицах на ступенях: тоже мне, строитель — сапожник без сапог!

Лиза полулежала на кровати с открытым ноутбуком перед собой. Не сразу, через заметные мгновения, почувствовала, что он в спальне. Уже стягивал рубаху. Приподняла взгляд, сияя полуслепо в компьютерном полусне. Опустила крышку ноутбука, кажется, даже не выйдя из программы. Они были вместе без малого семь лет, но каждый раз, глядя на жену, находило удивление, как это ему, Серому, выпало заполучить такую обворожительную юную женщину?! Как строитель, он поражался выверенности архитектуры в её лице. Всё было соразмерным, исполненным в прямых линиях: ровные потоки волос на плечах, ровный лоб, брови ровными желобками, скатывающимися к переносице, идеальная черта носа, ровно, без излишеств выведенные скулы и подборок. Талантливый архитектора отличает умение найти деталь, которая, вопреки пропорциям, делает строение особенным, запоминающимся. Была эта точно найденная деталь и в лице Лизы: верхняя губа её чуть выступала над нижней, сердечком так. Губка эта, лодочка, и унесла его семь лет назад в семейную жизнь. За плечами было военное училище, демобилизация, приходилось ездить на заработки в Москву. Три месяца отбарабанил, сгонял домой, чтобы пересечь границу и заново получить миграционную карту, и обратно, за российским хлебушком: добрая половина украинских граждан так жила, отучая “москаля” от чёрной работы. Возвращался, намереваясь отлежаться, отоспаться в вагоне после нелимитированных трудов! Девушка устроилась напротив, почти девочка, да такая, что он смотреть на неё не решался: сразу виделась вся его беспросветная бесперспективная участь “пожизненного плацкарта”. Поглядывал украдкой, и вдруг верхняя губка дивной попутчицы дрогнула, да ещё раз, будто позвала...

Луна бежала вдогонку, вровень с поездом, проридаясь сквозь заросли лесополосы. И Серый осмелился вымолвить: “Красиво”. Девушка неожиданно заулыбалась, хорошо, открыто, обрадованно закивала. В Москве Лиза поступала в театральный институт, но ей, гражданке другой страны,

за учёбу требовалось выложить немалую денежку. К тому же, сказали, нужно исправлять южнорусский выговор. Посоветовали ехать в Киев. А в Киеве на актёрский требуется свободное владение украинским языком, который она в школе для галочки сдавала, но кто в Симферополе говорит на украинском?! Хорошо одной её однокласснице, крымской татарке, которая на специальных уроках в медресе бесплатно училась турецкому, и так же, по выделенным грантам, отправилась учиться в Стамбул.

Серый теперь уже смелее любовался едва знакомой девушкой Лизой, и думал, какие же дураки эти режиссёры или кто там, кто набирает будущих артистов: да не надо никаких сюжетов — ставь камеру, снимай со всем её южнорусским выговором, и народ от экрана за уши не оттащишь!

Лиза тем же годом поступила в Университет культуры на заочное отделение. Осенью они поженились. Через год уже был первенец, через два с небольшим — ещё ребёнок, через пять — третий. Бабье царство!

Жена, наконец, отложила ноутбук, протянула к нему руки. Он примостился рядом, привлёк после работы с бетоном особо ощущаемую негу. Целовал, она не отстранялась, но была словно особняком, даже в темноте всё с тем же отдалённым сиянием. И сердце Серёги немножко так заньло, засадило его. Странно! Первые два года жизни приходилось расставаться на месяцы: надо было подзаработать, купить землю, пока вся недвижимость шла по бросовым ценам. Он верил: время придёт, Крым воспрянет! Не может такой райский уголок земли десятилетия лежать бесхозным! Уезжал на работы в Москву, Лиза оставалась с его родителями, тогда в трёхкомнатной квартире. Всё было чудесно! Возвращался богаченький, с подарками. Неделю-другую с женой были, как улитки, не разорвёшь! И фарт пошёл: один москвич, у которого отделывал квартиру, купил землю в Крыму, нанял его, проверенного специалиста. За ним — другой, третий... Серый — Сергей Павлович Головин — сколотил так же последовательно одну, вторую бригады. Организовал фирму. Приобрёл и для себя участок, построил дом. И опять всё шло складно, стало трое детей! Он уже никуда не уезжал, хотя и работал много. И вот стал замечать: всё вроде хорошо, но какая-то невидимая межа легла. Может, семь лет вместе? По статистике, на этот срок приходится самое большое количество разводов. Семья испытывается на прочность?

Женщина почувствовала его задумчивость, осторожно высвободилась, с пониманием устроилась на мужской груди: ему нравилось, когда она так гнездилась. Лиза коснулась пальцами его худых ключиц, выпирающих рёбер, вздохнула, на иной лад, чем мама, но как бы говоря то же самое: измотался ты со своими стройками, дружок. А что делать? Только опусти вожжи, завтра обгонят, обставят, а стартовать заново — себе дорожке! Сергей поглаживал жену по волосам, плечу, терпеливо ждал, что вот сейчас они оба успокоятся, вернутся друг к другу — он с работы, где мысленно всё ещё заполнял раствором опалубку. Она — из виртуального пространства...

Проснулся среди ночи — его словно вырвало из сна. В первое мгновение Сергей не понял, отчего такая тревога, даже страх. Привычные очертания комнаты, тускло просвечивающая штора на окне. И только в следующее обнаружил — нет жены рядом. Он один на кровати. И опять же, чего волноваться: в туалет пошла, в ванную, мало ли?.. Полежал минуту, пять... Вышел в коридор: за дверью в ванную никаких признаков жизни. В детской тоже, слава Богу, стояла тишина. “Чик, чик, чик”, — донёсся едва различимый звук компьютерной клавиатуры. Из-под двери кабинета сочился свет. “Чик, чик, чик”, — будто рация в ночи.

Сергей постоял, не зная, что делать. Подошёл к кабинету, потянулся к дверной ручке. Зайти? Но это как “подловить”. Как выслеживать. Развернулся. Но у двери спальни снова остановился. Прошёл в ванную, включил воду. Струя била в белую керамику раковины, кажется, сотрясая пространство. Дёрнул ручку унитаза: “Пш-ш-ш”, — прощумела на весь дом вода. “Чик, чик, чик”...

Опять постоял перед дверью, за которой жена вела “подпольную работу”. Вернулся в спальню. Решил ждать. Ну, дома же она! Чего волноваться-то?! Взял мобильник, хотел набрать номер Лизы, да вспомнил, ударив

себя по лбу: дети же спят, да и предки внизу... Повернулся на левый бок: на правое ухо он был контужен на учениях, поэтому, если левое утопить в подушку, то наступает почти тишина. “Чик, чик, чик...” — слышал он, кажется, даже пятками.

Она вдруг вошла. Лёгкая, скользящая, прижалась к нему, ласково так, прильнула вся. И надо бы радоваться, а сердце ныло, чего-то все ныло.

— А я тебя потерял тут...

— Что меня терять? Ну, с одноклассниками общалась, мне надо было...

— С этими, в Турцию уехали которые?

— С ними тоже.

— Дня не хватает, что ли?

— Днём дети!

— Старшие-то в садике.

Он устраивал дочерей в детский сад с большим трудом: актовый зал полностью бесплатно отремонтировать пришлось!

— Ты меня попрекаешь, да?! Давай я пойду работать, а ты с Селиной посиди, попробуй! Знаешь, сколько она одна требует?! Вика с Алёной приходит, тут такое, того гляди с лестницы упадут!

Старшей имя дал дедушка: Виктория! Какую уж он победу видел и над кем, но сказал категорически победным тоном: “Виктория!”. Вторую дочь Алёной назвал он, отец: хотелось ему Алёнушку из сказки. А младшей жена дала имя — Селина. Где уж Лиза его такое раскопала? Ему нравилось — космос напоминает, вселенную. Да и в школе, на работе потом люди сразу будут отличать от многих!

Лиза решительно повернулась к нему спиной.

— Да я не против. Общайся. Просто о компьютерной зависимости сейчас кругом говорят... У нас был один, на игровых автоматах просто свихнулся! Все деньги просаживал! Это же — как наркотик! Я поэтому.

— Не смей меня... Какая зависимость? Живу — как в тюрьму посадил.

— Почему это?

— Потому это. Всегда под приглядом!

— Под чьим?

— Господи!.. Родительским. Двум женщинам на одной кухне...

— Мама же для нас старается. Хочет, чтоб тебе было легче.

— Да мне не надо легче... Из ванной выхожу, она: “По телевизору передача была, что воду надо выключать, когда чистишь зубы. Очень много воды уходит”, — Лиза протараторила высоким голосом, точно изобразив маму.

— Да она же “бла-бла-бла”, сказала, и унеслось.

— Ага. И ещё добавляет: “А ещё говорили, что на Западе даже воду в унитазах не спускают, ждут, когда накопится. Экономят”.

Серый рассмеялся: всё-таки жена была артисткой! Ну, и “экономлю” представил.

— Потихонечку разделимся, землю я присмотрел... — сказал он со вздохом. — Поэтому и задерживаюсь на работе.

— Да всё у нас хорошо. Только ты не выдумывай, зависимость какая-то... Это у тебя зависимость. Трудоголик фигов!

Она ущипнула его, теперь была с ним, и он, наконец, забыл о стройке.

Вегавал Серый рано, без всякого звонка: с военного училища привык — он оканчивал “строительное” — в шесть ноль-ноль, как под команду дневального!

Мама наливала половником в небольшую глубокую тарелку вскипевший, приготовленный с вечера борщ, очищенные чесночные дольки лежали в блюде.

— Что ночью-то ходили? — присматривалась она, будто ставила диагноз.

— Ну, ходили и ходили!

— Как ходить, так ходили, а как Селинка кашляла, так никто не слышит, зашла, вся раздетая спит...

Мама протягивала ему баночку со сметаной.

— Да не хлопочи ты, я сам...

Детей в садик увозил Сергей и “закидывал” по пути на работу маму.

— Не моё, конечно, дело, — выговаривала она ему, — лезть в вашу жизнь. Но не сказать не могу. Вчера с отцом заходим, слышу, мужской голос наверху там у вас. У меня аж сердце ёкнуло: откуда мужчина? Стала подниматься, понимаю, что это она по этому “Скайпу” вашему с кем-то разговаривает. С мужиком!

— И что?! Сейчас даже задания институтские — и то по интернету присылают! Мало ли, “Одноклассники”, “Фейсбук”, блоги, чаты разные ...

— Вот именно, чады, — изобразила она всем видом клубы едкого дыма. — Голос не русский.

— Как это, “голос”? Акцент?

— Вот сидела бы я и с мужиком “ля-ля-ля”! Да меня отец на месте бы пришиб! — отрезала мать, показав, как действовал бы отец.

Около садика Сергей, остановившись, подхватил Вику, взял за руку Алёнку, которая указывала куда-то за спину и говорила:

— Папа, какая маленькая машина! — шипящие она всё ещё не выговаривала, поэтому получалось умильнее: “масына”.

Отец успел оглянуться, увидев жёлтый “Смарт” и успев подумать про дочь: “Приметливая”, — таких машинок, может, на весь город одна! Из-за руля поднималась, под стать нарядному автомобилю, ярко одетая, хотя и немолодая женщина. По нынешним временам и не разберёшь, мама или бабушка. Было непривычно, что ребёнок — девочка лет пяти — сидела на переднем пассажирском сидении: задних у “Смарта” нет. На указанную дочерью машинку Сергей внимание обратил, а вот ответить забыл. Семенящим шагом заспешил с детьми в садик.

Звонки, встречи, договоры, постоянный контроль работы на объектах, туда заскочил — дал указание, сюда заехал — мастерок в руки и подправил, а то и выложил с метр плитки, выравнивая в ниточку швы: оно порой и “опытные” хуже новичков — привыкли же всё тля-ляп!

Сам удивлялся: в жизни он был флегмой. Но стоило взяться за любой строительный инструмент, не угонишься: приноровил гвоздь, ударил — по шляпку; провёл правилом по сырой штукатурке — уровнем мерь, с погрешностью до тысячных!

Обедал он, как придётся: чаще в забегаловке, но любил, если успевал, дома. Во двор не стал заезжать, оставил свою “работягу” у ворот. Вошёл, сделал шаг, другой, чуть поднялся по лестнице и... замер. Наверху был слышен голос, как и предупреждала мама, “мужика”. Сергей сделал несколько шагов вверх, остановился у двери.

— Согласись, — голос был сипловатым, “натруженным”. — Новые модели автомобилей лучше, чем старые?

— Лучше.

— Так и в религии. Буддизм — религия очень старая, христианство — среднего возраста. А магометанство — самая молодая из религий, то есть новая, передовая, лучшая. Но и в магометанстве есть свои ступени...

— Мне не нравится, что у мусульман много жён.

— У твоего отца была одна жена?

— Н-нет... Когда мне было семь лет, папа ушёл от нас. Женился на другой. Правда, и с новой женой не стал жить.

— То есть у него, христианина, было много жён. А детей?

— В новой семье у него тоже есть дочь.

— И вы обе, в результате, росли без отца?

— Примерно с того же возраста!

— Что же в этом хорошего? Остались одинокие брошенные женщины, которые ещё могли бы рожать. В одиночку растили детей. Ладно — девочек, а мальчиков? Мальчик, выращенный без отца, не всегда мужчина. Понимаешь, о чём я? То есть твой отец номинально имел одну жену, на самом деле имел несколько. От воспитания детей он вообще устранился. Другой вариант: мужчина ни с кем не разводится, никого не бросает, но полностью

берёт на себя заботу о семье. В мире Ислама это требование для главы семейства непререкаемо! Оглянись, христианский мир сегодня вообще состоит из семейного разлада. А почему? Была семья: плотник Иосиф, его жена Мария. От кого родила замужняя Мария? От мужа? Нет!.. Да, пусть она родила от Бога. Непорочное зачатие! А если без мужа, как-то напрямую, то муж, мужчина не нужен! Выходит, если зачатие от Бога, напрямую — непорочно, то все дети в христианстве, рождённые от мужчины, мужа — порочны! Чуть не полмира от роду порочных людей! А в магометанстве непорочным может быть только ребёнок, рождённый от мужа! Муж — ставленник Аллаха! Через мужа, мужчину, Он передаёт своё Божье предназначение! А теперь слушай главное: на самом деле у мусульманина одна жена. Пророк Магомет имел одну жену Хадиджу, пока она была жива. Когда она умерла, он женился снова. Ему было пятьдесят три. Мусульманин может взять в жены вторую, третью жену, если упокоился брат, родственник, и некому о его семье позаботиться. Он берёт на себя ответственность за женщину, детей, и у них у всех есть будущее. Разве это плохо?

— А как же старшая жена, младшая? Берут же молодых?

— Да, Коран позволяет иметь вторую, третью, четвёртую жену, но с тем, чтобы муж поступал со всеми справедливо. Коран предупреждает, что справедливости не достичь, а потому лучше иметь одну жену. Но уж если взял жену, будь добр, обеспечь каждую в равной степени, у каждой должны быть свои покои, своя прислуга. Всё открыто, по-честному. Тогда как богатые христиане имеют десятки любовниц, так называемых скрытых связей, распространяя обман, ложь, которая, в конце концов, становится общественной нормой...

— М-ма-м-аа, ку-ква, — послышался голосок младшенькой, Селинки. Сергей только сейчас сообразил, что дочь там же, рядом с мамой, и тоже слушает этого большого, знать, умника.

— Опять ногу оторвала, да что же такое?! Извините, кукол таких делают, только купишь...

Послышался шум двигающегося кресла в кабинете, и Серый сбежал на цыпочках вниз.

“Да что же такое?” — повторил он мысленно слова жены, только уже не по поводу куклы. Тотчас стал себя успокаивать. Ну, разговаривает жена с кем-то, и что? Она всё-таки в “Культуре” училась, там религия отдельным предметом была, спорят или, как они говорят, дискутируют...

Хлопнул входной дверью, чтобы слышно было на весь дом: как бы вошёл. Так же нарочито, с излишней громкостью, чего за ним не водилось, прокричал:

— Лиза! Муж пришёл! Голодный!

Она скоро спустилась с Селиной на руках и одноногой куклой. На кухне отец посадил дочку на колени, и вместе они “провели операцию”: вернули ногу куклы на положенное место.

Заметил, как Лиза застёгивала пуговицу на халате, и опять сердце хорошо ёкнуло:

— Ты раздетая, что ли, была?

— Почему раздетая?

— Пуговицу застёгиваешь.

— А, — посмотрела жена на пуговицу. — Петелька разошлась.

— Ну, при мне-то можешь и не застёгивать?

— Хорошо, — удивилась она. И лодочка верхней губы её словно приподнялась на волне. — Расстегну.

Она сидела напротив, улыбалась. Какая же красивая! И с пуговицей с этой, расстёгнутой. Дочка на коленях возилась с “кукой”, нога у которой, что называется, держалась на добром слове: шарообразный крепёж наполовину вылез.

— Фуфло гонят, — опять взялся за ремонт папа.

— Ты покупал, — вынесла приговор мама.

Муж пожал плечами с тем смыслом, что виноват, как всегда, он. Пора было двигаться дальше: работа не ждёт. В прихожей поглядел наверх: как

раз там, над прихожей, располагался кабинет, где у жены завёлся какой-то свой отдельный мир. Лиза провожала его, держа Селину за руку.

Сергей ещё раз огляделся, словно пытался за что-то существенное зацепиться взглядом. Слева был широкий открытый вход в зал. Картины весели на стенах, написанные Лизой. Море, Генуэзская крепость, Карадаг... Пианино стояло, как показалось, осиротевшее.

— “PETROF” тоже я покупал. Ты говорила, очень хороший инструмент.

— Очень хороший.

— Только скучает стоит.

— Как-то не тянет.

— И Селину собиралась нарисовать?

Он шёл по двору, как из открытого окна донеслись живые звуки музыки. От сердца как отхлынуло: не к компьютеру поспешила, а села за пианино. Талантище же она, Лиза! Не чета ему, конечно, Серому.

Лиза, действительно, давно не играла, но пальцы бежали по клавишам легко: “На заре ты её не буди...” — будто сама собой полетела мелодия романса. Она любила эту музыку: вечную, аристократическую. Воодушевление забирало всё существо. Музыкай она находила ответы тому странному мужчине с глуховатым мягким голосом по имени Идрис, который, видно, пусть много пережил, познал, но ведь заблуждается! Есть же в христианском мире мужчины, которые не гуляют, не сеют этой самой общественной лжи. Далеко ходить за примером не надо. Муж её, Серёжа! Он, правда, христианин такой, относительный, в церкви не бывает, у него и времени нет, молитв не знает и не крестится, но живёт-то правильно. Полностью берёт на себя заботу о семье... Как мусульманин какой! Жена у него одна, второй не надо. И совсем ни к чему, чтобы она ходила в парандже: ему приятно, что на неё обращают внимание!

Так и манило подняться, зайти в программу и сказать всё это своему интернет-визави прямо и непосредственно. Но Лиза, как мусульманская жена какая, помнила предостережения мужа о компьютерной зависимости. Да и сама по иным видела: случается.

Сыграла ещё романс, потянуло к мольберту. Достала из-за шкафа, вытерла пыль, разложила: тоже подарок мужа. Портрет Селины был уже начат. Но что-то не пошло тогда.

Дочка смотрела, будто помогала маме, мол, вот я, какая, вся в папу — нос чуть приплюснутый, глазки серые. Не красавица, но обаяния не отнять. Лиза выдавила краску из тюбика, провела кистью, линию, другую. Почему-то было трудно сосредоточиться, стоять на месте. Оставила работу, мольберт не стала убирать: придёт муж вечером, пусть увидит.

Взяла за руку Селинку, вышла во двор. Дочка кинулась к пруду с резиновыми утками. А мама посмотрела на аиста, сотворённого из пенопласта, покрытого лаком. Белая птица “высиживала яйцо”, пока одно, по замыслу, Лиза хотела сделать три. Дедушка — свёкор Павел Валерьевич — обещал принести из телеателье, где подрабатывал, пенопласт, запомнил, а она не напомнила. Пёс Вулкан жалостно — несоответственно мощным габаритам — подвывал на цепи. Хотел ласки.

Усадьба располагалась на взгорье, так что ворота были нижней точкой, потом шёл дом и огород, разделённый мощёным тротуаром, и венчался двор “капитанской рубкой”. Так назвали мастерскую деда: Павел Валерьевич, не то электронщик, не то ядерщик в прошлом, здесь ремонтировал и собирал всякую всячину. Здесь же было единственное место, откуда открывался вид на море. Поэтому перед мастерской располагался “капитанский мостик” с большим разукрашенным штурвалом.

Павел Валерьевич, плечистый, массивный, уже стоял у штурвала и “принимал парад”: делал колебательные движения правой рукой, как главный коммунист Брежнев на трибуне Мавзолея в кинохронике. Это была обычная игра, и Лиза тотчас изобразила “подобострастные народные массы”. “Дорогой Ильич” жестом “остановил нескончаемые овации”. Медленно — магически — развернулся, скрылся в дверях “капитанской рубки” и вышел

уже факиром... с двумя большими белыми яйцами на победно вытянутых руках. Внучка, бросив куклу, побежала к деду.

Подставили стрелянку к шести с гнездом. Дед и внучка смотрели снизу, а мама, поднявшись по ступенькам, укладывала вокруг длинных ног аиста яйца. Теперь их было три, как и детишек у Лизы.

Звякнула цепь, Вулкан жалостно заскулил, но не залаял. От ворот поднимался Марк Самуилович, сосед: высохший, с отвисшей нижней губой. В кепке. Удивительно, как пёс чувствовал: Лизу также обдавала жалость при виде Самуиловича, которому стоит снять кепку, как обнажались на темечке незатянувшиеся шрамы. Прежде Марк Самуилович Орлов жил на Черниговщине и был редактором газеты, отстаивающей идеалы распавшегося Советского Союза. В девяностые перед выборами заглянули к нему в редакцию какие-то пришлые ребята, да и поколотили идеалиста металлическими трубами по голове. С той поры он устал бояться. Газету Самуилич отдал задарма, за бесценок продал квартиру, всё, что имел, уехал, поселился у моря. Но покоя не обрёл: опасность нагоняла его повсюду. Он разбивал молотком в очередной раз компьютерную плату, разрезал телефонные симки и топил аппараты, но скоро вновь обнаруживал следы слежки. Марк Самуилович осознал, что его восприятие действительности со стороны может показаться болезненным, и заранее ограждал себя шуткой:

— Знаете, как говорят: — Самуилич, как положено, картавил, — если у вас мания преследования, это не значит, что за вами не следят.

Поводов проявлять бдительность в отношении Марка Самуиловича было более чем достаточно:

— Украинский парламент голосует за Евросоюз, — звучание “угаинский”, “Евгосоюз” придавали серьёзному пафосу юмористический лад. — Голосует за НАТО, вы понимаете, что это такое?!

Павел Валерьевич артистично подался вперёд, сделав руки по швам, мол, я весь внимание. Говорят, яблоко от яблони... Ну, вот, совсем они разные, отец и сын, её Серый!

— Это катастрофа! — страшное слово в устах Самуиловича вызывало смех: “катастрофа”. — Это власть бандеровцев там, — указал он в сторону Киева, — это национализм здесь! Вы знаете, как в Крыму, когда пришли фашистские оккупанты, националисты Меджлиса охотились за евреями?!

— А русским, видимо, они приносили чак-чак? — Павел Валерьевич сложил руки блюдечком.

— Евреи — это лакмусовая бумажка! Начинают с евреев, заканчивают всеми, кто не их, а потом уже все бьют всех!

— Марк Самуилович, — был крайне уважителен Павел Валерьевич. — В две тысячи пятом году, — он сделал паузу, — войска НАТО пытались высадиться на берегах Крыма. Что вышло? Поднялись все. Украинцы, русские, татары, греки, все вместе выпроводили гостей, которых не звали.

— Тогда, батенька, Киев ещё оглядывался на Москву. Была инерция исторической общности. Советский Союз ещё жил в мозгах! А сейчас пришли иные люди, — Самуилович со звоном постучал себя по высокому, узкому лбу. — Выросло поколение в новом информационном поле. — Бывший редактор изображал политика на трибуне. — “Гитлер начал войну против СССР потому, что у него душа болела, бачимо страждания украинського народу”. “Националист Бандера — олицетворение героизма!”

— Остаётся посочувствовать Евросоюзу.

— Последует изменение государственной доктрины, которое не примет Крым, не примет Донбасс, а это — гражданская война!..

Лиза Марка Самуиловича уважала, но слушать его было наказанием, выпавшим на долю всему семейству Головиных. Она поглядела вверх, в окно второго этажа, куда опять ощутимо потянуло. Опрометью сбегала в дом, взяла купальник, сменные трусики дочери.

Стоял сентябрь. Она любила это время, когда с началом учебного года уносился людской поток. Улицы просторны, но ещё не пустыньны. Жара спадает, но солнце ещё яркое, воздух прогрет и напоит морем. Многочисленные кафешки, рестораны, карусели и качели ещё продолжают работать

в летнем режиме, но посетителей мало, и так приятно желанным гостем присесть где-то за столик, выпить кофе, вина, и ребёнок напротив будет добывать чайной ложечкой из металлической чашечки мороженое с шоколадом или вареньем, перемазав щёки и нос.

На пляже было много свободного места, дочке раздолье: камушки, песок, лёгкий морской прибой, только смотри за ней да смотри. Вдруг что-то странное почудилось в пляжном людском окружении. Молодая женщина, примерно её ровесница, шла к морю в чёрном с головы до пят одеянии. Мужчина шагал за ней в шортах: толстый, просевший от излишеств, с обильной порослью волос на загорелом теле. Держался чуть на расстоянии. Так, не раздеваясь, женщина в чёрном забрела в воду, окунулась, вполне ловко поплыла, стала с наслаждением купаться! Над морем вились чайки, и Лизе представилось, как вдруг среди них полетела ворона, выбивая брызги крылом. С внутренним смехом Лиза достала телефон, включила программу “камера”, украдкой снимала. Выходило, целый день она мысленно искала какие-то аргументы в споре со своим интернет-визави по имени Идрис (ей чудилось в нём звучание “Идриска”), и вот, довод сам “приплыл в руки”! Ну, бред же, бред — купаться и тем более загорать в одежде!

Словно выбеленная ликом, чернобровая юная женщина в длинном чёрном платье выходила на берег. Мокрый подол прилипал к телу, она его одёргивала, и было видно, что под платьем у неё ещё и чёрные штаны. Грузный мужчина так же шёл следом. Загорать, правда, они не стали, собрали вещи и подались, с неё стекало... Говорили по-русски.

Ещё недавно представить было нельзя, чтобы кто-то из крымских татарок или иных здешних мусульманок носили хиджаб: такого слова не слышали, оно пришло недавно. Теперь женщины в тугом платке и одеянии до пят, подчёркивающих религиозную принадлежность, в городе уже не были в диковинку. На пляже вот пока да...

Видео “Купанье мусульманки”, выложенное на “YouTube”, вызвало споры, переходящие порой в ругань, “закадровый” крик, как это повелось ныне на ТВ. Лиза вообще удивлялась зависимости людей от экрана: недавно модно было смотреть передачу “Дом”, и люди так же, как участники шоу, при встречах обсуждали и судачили друг о друге, будто старухи на скамейке. Пошла мода на политические шоу, и даже порой спокойнейший Павел Валерьевич и милейший Марк Самуилович начинали просто горло драть, обсуждая проблемы мировой политики.

Лизе было важно услышать мнение Идриса — она специально дала сноску на его странице. Но Идриска не отвечал. Уж и звуковое письмо ему оставила: ни гу-гу.

Среди комментариев тем временем появился графический, искусно выполненный рисунок, где лицо Лизы с чуть сгущёнными художником бровями было в рамке хиджаба: “Суди сама — ты настоящая карачаевская принцесса!”. Ей понравилась эта игра: быстро набросала рисунок, сканировала, выложила с надписью: “Я больше похожа на чукчу!” — действительно, суженные глаза, выпирающие скулы, вроде и она, только с Чукотки! Парень с Дагестана без лишних слов сразу позвал её замуж. Прикрепил фото: настоящий джигит за рулём “Мерседеса”.

— Кто это? — стоял муж в дверях. Странно: никогда не входил, не давая о себе знать. — Я хотел... объявления на заказы обновить, — всё-таки счёл он нужным оправдаться.

— Садись... — Лиза пощёлкала по чередующимся крестикам в углу экрана, обнажая фотографии одного за другим всё сплошь чернявых симпатичных пареньков. — Я над ними прикальваюсь.

— Прикальваешься?

— Ну да, прикальваюсь!

Она показала свой “чукотский” портрет.

— Прикольно, — муж смотрел на неё, как смотрел часто: милым таким дебилом: — Хы. Хы. Хы. Ладно, занимайся. Я ноутбук возьму.

Муж ушёл. В “лесенке” комментариев под “Купанием мусульманки” “выпрыгнул” ещё один. Без фото, имени, просто слова: “Как бы ты отнеслась

к тому, что мужчина и женщина на пляже прилюдно вступили в половые отношения?”

По телу бежала дрожь: она была уверена, что это объявился Идрис. Вот же Идриска, с такими вопросами!.. Лиза с опаской оглянулась на дверь: точно ли Серый вышел?

“Хы, хы, хы”, — прыгало у Сергея внутри, когда он спускался по лестнице. Девтора в зале забавлялась телефоном. “Пи-пи-пи”, — держала аппарат в руках старшая, а две младших глазели, устроившись по бокам. Он раскрыл ноутбук, стал размещать рекламные объявления по строительству и ремонту.

— Мне, что ли, компьютер купить?! — разорялась на кухне мама. — И буду в компьютере вам борщ варить! А как хорош будет, “супец компьютерный”?! С ума посходили!.. Та там сидит, этот пришёл! Дед в биндюге своей — партию в шахматы играет! Знаешь, с кем? Думаешь, с Марком Самуиловичем?! Ага, разбежался! С бразильцем каким-то, в интернете! Чемпионат у них там! До детей дела никому нет! Да и те туда же! А куда им ещё, когда такой пример?.. Есть будешь, или тебе уж “там” сварили?!

Серый разбросал объявления, полистал страницы сайтов по торговле стройматериалами, сделал выписки. Надо держать, что называется, руку на пульсе, время так быстро меняло предложения, выкидывало на рынок новые товары. Сбоку экрана то и дело всплывали окна с эмблемой в виде звезды и полумесяца: понятно, мусульманские порталы, как и любая реклама, реагировали на Лизины “приколы” — есть интерес, будут и предложения. Тем более что если над одними, красавчиками восточными, она прикалывалась, то того, с которым речь шла именно о религии, слушала. У него и самого этот голос в ушах стоял — голос очень надёжного человека. Они, нерусские, — он хорошо знал это по работе, — такими умеют казаться.

Указательный палец вдруг завис над клавишей мышки, замедлив привычное действие: “удалить”. В квадратике рекламного видео женщина с лицом, затянутым в чёрное, ехала за рулём “Мерседеса”. Мелькали кварталы, легко вращался руль с известной эмблемой трёхконечной звезды, пойманной в круг. Машина будто надвигалась, глаза женщины, окаймлённые прорезью одежды, — Сергей не мог вспомнить, как она называется, — смотрели вперёд. Красивые и такие большие, что, казалось, все вокруг, весь мир в них улетал!

Мусульманская женщина заходила в гипермаркет, такой же, как везде, выбирала украшения, яркие, недешёвые, косметику, одежду, тонкое женское бельё, обычные европейские платья и даже джинсы. Закадровый русский текст сообщал, что женщина в исламе во многом ведёт такую же светскую жизнь, как и европейская. Встречается и судачит с подругами, заседает в парламенте, занимает правительственные должности, скажем, вице-премьер в Иране — женщина (кадры демонстрировали общественную роль женщины) — всё это не возбраняется Кораном. Отличие заключается в том, что мужчина в исламском мире обязан полностью обеспечить жену и семью. Брачный договор, который в Европе только вступает в силу, среди мусульман распространён издревле. Женщина может настоять на праве стать единственной женой, пойти работать, заняться бизнесом, политикой. Но чаще всего она по собственной воле перелагает эти обязанности на мужчину, выбирая для себя то, что ближе по природе. Семью, детей. Здесь не встретишь мужеподобных женщин, каких теперь немало в Европе, и уж тем более нет места феминизированным мужчинам, какие в Европе и Америке всё шире захватывают пространство жизни. Поэтому ныне женщины так называемого цивилизованного мира с его нарушенным половым равновесием всё чаще выбирают мужчин, исповедующих Ислам.

Женщина в “Мерседесе” развозит детей по спортивным секциям. Сама в фитнес-клубе, где занятия ведёт тренер-женщина. Во дворе восточного особняка с шарообразным куполом — пятеро детей вокруг. Встречают отца. Рослый, плечистый, в белом одеянии — “кандуре” — название мужской одежды Сергей неожиданно помнил.

Наедине с чужим мужчиной женщина-мусульманка никогда не останется, сообщал меж тем ведущий, — любоваться красотой её тела может только муж.

На край ширмы, расписанной овальными узорами, кладутся женские наряды. Чуть заметно мелькают волосы, которые, прилипнув к одежде, приподнимаются над ширмой. Это всего лишь мгновение, внимания бы не обратил, будь они чёрные. Но волосы шокирующие светлые. Блондинка! В кадре — глаза единственного мужчины, которому даровано наслаждаться наготой этой женщины. В особняке — восточном дворце — бассейн. Мужчина смотрит, как воды пронзает тело, рыбе ли, женское, но явственно белое. Во всём сюжете, выходит, была женщина мусульманка европейского происхождения. “Правда о жизни мусульманских женщин”, — гласило заглавие.

— Так, всё. Сеанс окончен! — взяла на себя команду мама. — Все за стол! Внуки — мыть руки! Зови Лизу, я за отцом схожу. Господи!..

Сергей шагнул, было, на ступеньку лестницы, приостановился:

— Давай я за отцом...

Какие же они были разные, прожившие почти четыре десятка лет вместе, мать и отец. Павел Валерьевич — сын всё чаще называл отца так, как звали его все даже во время застолий, — в абсолютной безмятежности пребывал за “шахматной доской”, которую представлял из себя экран компьютера. Вообще не припомнить, чтобы он когда-либо повышал голос! При этом спокойно, ласково умел любого поставить на место. Когда документы на землю и дом оформляли, Серый, поднимая связи, давая мзду, замучился бегать. Павел Валерьевич взял папочку с бумагами, методично, отсеживая очередь, стал ходить в управу, по инстанциям, и без копейки сверху всё ему везде подписали!

— С бразильцем? — кивком указал Сергей на экран с шахматными фигурами.

— Бразильца я уже сделал. — Отец плавным движением передвигал коня. — Соединённые Штаты Америки. Полуфинал.

— На этом этапе пора подкрепиться.

Отец глянул на сына поверх очков.

— А нельзя передать Евдокии Семёновне, — отец любил “включить” манеру старосветских помещиков, — чтобы специально для международных состязаний она пожаловала тарелочку сюда, на место проведения ответственного матча?

— Нет уж, нет уж, Павел Валерьевич, это вы сами извольте. — Сын в меру сил подыгрывал отцу. — Телефончик лежит, звоните, сообщайте.

— Я к такому удару не готов, — стал подниматься отец. — Да, кстати. Я тут на досуге все наши компьютеры, и ваш там, наверху, и свой, и ноутбук твой — коммутировал в домашнюю сеть с общим доступом.

— Зачем?

— Ну, мало ли... Кто владеет информацией, тот владеет миром.

Сын шёл следом за отцом и думал: Павел Валерьевич мог шутить, как бы пустословить, но если он что-то делал и “выдавал информацию”, то в этом всегда была цель. Скорее всего, отец тоже заметил странные интернет-пристрастия Лизы. “Общий доступ”, — ну да, наверное. Только это не по нему, Серому, залезть в программу, где Лиза общается, в душу, что ли, без проса. Интимные вещи, они есть, каждый имеет на них право.

— Ты заходил на почту? — светилась радостью за столом Лиза.

— Какую почту? — Серый предположил, что речь идёт о почтамте.

— На электронную! Письмо пришло из Управления образования! Селинке место в садике выделяют!

— Ага, пришло бы оно вам, — раскладывала запеканку Евдокия Семёновна по тарелкам. — Это дед сходил, поговорил там. Ты бы взял его менеджером, с кем хочешь договорится!

— Павел Валерьевич! Место выделяют, но в другом садике. Не в нашем, куда Алёнка с Викой ходят. Сергею очень трудно всех развозить, потом на работу. Я бы сама хотела. У вас “семёрка” всё равно стоит, с утра можно на ней?

Сергей улыбнулся умиленно: фильмец этот, про мусульманку за рулём, конечно, она смотрела, вот и захотела, как та, сама детей развозить. Чисто ребёнок...

— Если справишься, то... — Павел Валерьевич заметно хотел угодить снохе. — Машине десять лет, без гидроусилителя.

— Да я на “Москвиче” училась! Там вообще руль не повернёшь. Ничего! Сдала!

— Замётано. — Павел Валерьевич повёл растопыренными пальцами, теперь имитируя блатной манер.

“Удивительно, — подумалось Сергею, — если тихая молчаливая мама с годами стала шептунной и говорливой, то отец в молодости был шумным, широким”. Любил петь в машине, за рулём звонким высоким голосом. При этом старался на поворотах сохранить предельно высокую скорость, соревнуясь сам с собой. “Сорок пять, пятьдесят”, — выкрикивал он, закладывая виражи под девяносто градусов на высоком военном “уазике”. Пока жили в Сибири, у него были ружья, сети. Зверья привозил, рыбы! Занимался классической борьбой, всех давил на руках!.. А ныне — как перебродившее вино.

— Ой, “Большая стирка” началась! — добавила Евдокия Семёновна, услышав звук телевизора. — Вот вы зря это не смотрите!

— Раньше на заседаниях парткома проводились воспитательные мероприятия, — Павел Валерьевич с улыбкой обращался к “высокому собранию”. — “Показательные суды” по выявлению морального облика коммуниста. И так же иным нравилось перемывать косточки! Вашего покорного слугу тоже обещали!

— Это, — указала хозяйка на экран, — современная жизнь! А ты прячь голову от жизни, как страус!

Павел Валерьевич с улыбкой развёл руками, соглашаясь не столько с Евдокией Семёновной, сколько с самой мыслью, что женщина всегда права.

С утра Лиза сама побежала с младшей по направлениям, с анализами, за справками, чего прежде за ней не водилось. Вечером незамедлительно Сергей с женой решили проложить маршрут: от дома до детских садов и обратно. Муж вывел “семёрку” из гаража. Лиза устроилась на водительском сиденье, стала выворачивать к открытым воротам. Ещё недавно ездили на машинах без гидроусилителя, ничего, нравилось. А теперь он аж перекосялся, мысленно помогая женщине повернуть руль:

— Может, тебе лучше на моей? — у него тоже была не ахти какая, “десятка”, но всё же “нового поколения”.

— Нет, мне больше нравится эта.

Понятно: его трёхлетняя машина — разношенная работяга! А отцовская старая “семёрка” — как вчера из магазина!

— Ты на ходу старайся поворачивать: чуть тронулась, и тогда. Только всё медленно и плавно.

Он специально не стал выезжать на улицу, чтобы Лиза развернулась и проехала меж створок ворот сама: на улице легче!

Всё она сделала. Улыбалась. Серый “инструктором” сидел на пассажирском сиденье. И радовался, и горевал: не по её красе эта дедовская “тачка”! Не вышла бы за него, наверняка был бы очень богатый муж, ездила, как мусульманка из видео, на “Мерседесе” или около того.

Лиза, впрочем, сияла от восторга: у неё получалось! Всё у неё при желании легко получалось. Когда “инструктор” сел загнать “семёрку” в гараж, машина дёрнулась, заглохла, и Серый вынужден был признать, что справляется с этой моделью автомобиля жена лучше.

Мысль одна захватывала интересная: желание купить машину. Деньги он, понятно, подкапливал на землю, домик, отдельный с родителями. Ну, да это ведь иные, серьёзные суммы. Машину для Лизы! Тем же вечером “полистал” сайты автосалонов: брать решил только новую, никаких б/у. Модель он давно облюбовал: “Мицубиси-Лансер” — красивый дизайн, экономичная, приёмистая. Средних размеров: для крымских улочек оно самое то! И будет ездить она, девчонка, с тремя дочками в современном, удобном, стильном автомобиле!

Так манило сразу показать жене машину на рекламном фото. Сдержался. Нет, он купит, у дома поставит, как сейчас “звёзды” делают, ленточкой обвяжет: “Посмотри-ка — скажет, — Лизанька, в окошечко...”

Лиза не стерпела, всё-таки хотелось этому Идриске ответить, что нельзя загонять людей в рамки. Хотят купаться в одежде — это их дело. Хотят прилюдно обнажаться и заниматься сексом — тоже не должно возбраняться.

— Я приемлю всё. Личный выбор каждого, — писала она, уверенная, что на это ему нечем будет крыть.

— В Украине, в России — в христианских странах вообще — вдоль дорог часто стоят проститутки. Ты видела?

— Ну... Может быть.

— Они стоят — поодиночке, толпами. Иногда, для наглядности, веером.

— И торгуют ими чаще всего чёрненькие мальчики — мусульмане!

— Не обязательно мусульмане: грузины, армяне — тоже чёрненькие.

Но могут быть и мальчики из мусульман: соблазны, они с разной степенью, но распространяются везде. Но это мусульмане, которые так себя называют. Они далеки от истинного Ислама. Итак, дело было в Воронежской области: остановился один мой хороший знакомый у такого веера — стоят у дороги девушек двенадцать, как на витрине. Выбрал по виду самую прожжённую. Как говорят, отпетую. И спросил её: “Скажи, только честно, как на духу, чего ты больше всего в жизни хочешь?” Как ты думаешь, что она ответила?

Лиза хорошо представляла, как у обочины, где на опущке располагался “веер” — двенадцать продажных девушек, — остановилась красивая белая машина. Вышел из неё мужчина в белоснежном восточном одеянии, с закрытым платком лицом и венчиком вокруг головы. Посмотрел спокойно и выбрал ту, “отпетую”. Задал вопрос, глядя лучистым взором. Воплощенный ангел! Только это никакой не “знакомый”, а сам Идрис. И девушка — как увиделось — была с её лицом. Почему? Она же никакая не прожжённая!

— Ну, наверное, ответила, — старалась быть хладнокровной Лиза, — что хочет заработать много денег, стать богатой, уехать, может быть, в другую страну...

— Она ответила, что хотела бы снова стать девственницей. Жить чисто. Выйти замуж за порядочного человека, который бы о ней заботился. Родить детей. Много. Жить только с мужем... Так она ответила.

— Понимаю.

— Она хочет жить чисто: согласно природе человеческой. Но живёт иначе. Почему?

— Мало ли. У меня одноклассница была, красавица, вокальные данные отличные, родители юристы, всё по кастингам возили её, везде облом, подседа на наркотики, тоже оказалась на трассе...

— Ты полагаешь, была бы большая разница, если бы она стала, как это принято говорить, звездой? Добавилось бы благообразия, добродетели? Или было бы то же самое, только с разными уровнями удобств и телесных наслаждений? И был бы тот же самый внутренний разлад: хочу жить так, а живу иначе?! Чёрные дыры!

Лиза это очень понимала: ей на самом деле были чужды эти устремления ровесниц, мир шумной музыки — она любила напевную, потому что росла с бабушкой, мама всё зарабатывала деньги в Москве. И замуж вышла за человека постарше, для которого любая музыка была просто лишним шумом.

— Тебе нравится, когда к твоему телу липнут мужские взгляды? — Идрис направлял тему в новое русло.

Она вновь “увидела” его взгляд: абсолютно не липкий взгляд ясных голубых глаз.

— Я ведь женщина. Любая женщина немножко актриса, — столь же честно, как та девушка у дороги, отвечала Лиза.

— Тебя совершенно не смущает, что мужчины, прежде всего, видят в тебе сексуальный объект, а не личность?

— Не знаю. — Лиза была растеряна.

— Не унижает, когда твоя человеческая ценность определяется физическими данными, тогда как есть духовные достоинства?

Лиза не отвечала.

— Общественные приоритеты западного общества расставлены так, что насильно подвергается сама природа человеческая, — продолжил Идрис.

Лиза, казалась, слышала его, пережившего насилие над собственной природой. — И мужчина, и женщина хотят жить так, как предписывает природа, но живут иначе. Живут в разладе с самими собой. Скромность, стыд, верность — основа женской природы. Но общественные приоритеты так называемого цивилизованного мира зовут к обратному: к бесстыдству, измене, показухе! Ислам основывается на природе. Исламская концепция женственности состоит в том, что уважение и статус женщины определяются не её длинными ногами или высокой грудью, что применительно, скажем, для оценки лошади, а определяются — благочестием женщины. В христианстве благочестивой может быть только монахиня! Ислам считает половое влечение сущностью человеческой природы. Благочестивая женщина не уходит в монастырь, а становится женой, матерью. При этом носит одежды, как у монахини, чтобы предотвращать соблазны. В женских мусульманских покрывалах есть одно великое значение: сейчас ты молода, на тебя смотрят с вожделением или с восхищением. Но пройдут годы, как на тебя будут смотреть?

— Есть для этого фитнес, косметика.

— Продлишь молодость на пять, десять лет. Над временем никто не властен. И ты обязательно столкнёшься с мужским равнодушием или, хуже того, безразличностью. Для западной женщины это трагедия. Ислам заботится о женщине: по воле Аллаха, юная или преклонных лет женщина под покрывалами одежд не имеет возраста. Она только женщина: мать, жена, хранительница очага. Мужские глаза видят не её плоть, а лишь её божественное предназначение. Душу. Ты хотела бы, чтобы в тебе видели в первую очередь твою душу?

Лиза с удивлением и оцепенением обнаружила, что кивает в согласии. И даже прослезилась. Хотелось продолжить разговор с Идрисом не письменно, а через видео, чтоб видеть и слышать. Но поздно уже было, Серый, наверное, ждал в спальне.

— Извини, мне пора, — завершила Лиза беседу.

В спальне она скользнула к мужу под одеяло, положила голову ему на грудь, он обнял её с глубоким сладким вдохом.

— Ты чего такой сегодня? — прошептала Лиза.

— Какой?

— Радостный.

— Да так. Хорошо просто.

— И мне хорошо.

С утра он отправился в банк: деньги были на срочном вкладе. Сомнения, конечно, глодали. Машина машиной, но уплывут дешёвые участки. Хотя представить оформление: такая земельная политика, что везде тормоз, нужно прокачивать — и связываться неохота! Всё, решено: машина! Встал в очередь, достал бумаги. И так легко стало опять, просто. Прямо невтерпёж сделать жене подарочек!

Подъехал к автосалону: за большим, во всю стену, окном полировкой отблёскивала она — япошечка такая косоглазая! Снова представил машинку у ворот, обвязанную, как задумал, бантом, и самому смешно стало. Нет, для артистов, оно, может, и хорошо, но для него такие финты ушами не подходят! Соседи и без того судачат: среди нищеты, они же как бы богатые! Надо нормально взять Лизу, привезти в салон, пусть сама выберет. Вон и “Хундай” стоит, тоже посмотрится!

А придёт время, когда он купит жене “Лексус”, и водителя наймёт! Водительницу...

Одна нога здесь, другая там: через считанные минуты Серый уже вбегал на второй этаж своего дома. И опять остановился: нога прямо зависла над ступенькой. Эффект присутствия чужого человека в доме был абсолютным: шёл разговор между мужичиной этим, как сказала мама, с нерусским голосом и Лизой. Хотя почему нерусским? Никакого акцента. Интонация...

— А та девушка, из вечера у дороги, она вышла из вашей машины или всё-таки осталась? — голос Лизы звучал на высокой ноте, подобострастно.

Мужчина раскатился в смехе:

— Я ведь говорил о приятеле. И не говорил, что она была в его машине! Тем более что и он был не на машине.

— А на чём?

— На велосипеде!

— А вы ехали... Ваш приятель ехал на велосипеде, как Вы сейчас, с закутаным лицом?

Сергей слушал — подслушивал, как последний ревнивец, — а сердце билось, стучало: так радужно Лиза говорила с ним, мужем, лишь в самом начале семейной жизни. Да и то не так.

Вышел запал: сдох! Внутри скисло, свернулось всё, как молоко от капли самогона. Посидел на ступеньке лестницы. Поднялся, пошёл. А и хорошо — никаких машин, подарков. Пусть рулит на дедовой, иным и это было бы в награду!

В дверях столкнулся с отцом:

— Сделайте милость, — отстранился не хуленький Павел Валерьевич, вобрав живот и склонив почтительно голову, — я пройду после...

Отец разыгрывал интермедию из Гоголя: специально ведь его поддавливал, ну, специально! Сыну ничего не оставалось делать, как подыгрывать в ответ. Серый тоже вобрал живот, без того впалый, и показал, мол, нет уж, нет уж, проходите вы. Он знал, что как только шагнёт — шагнёт и отец. И дальше придётся протискиваться, изображая кого-то из классической литературы: отец когда-то был большим книгочеем, да и Серый почитывал. Куда всё ушло?

Двери отцовской биндоги были открыты настежь. Ничего никогда отец просто так не делал!

Серый решительно прошёл в мастерскую Павла Валерьевича, заставленную электронной утварью. На “шахматной доске” сложилась явно патовая ситуация. Мгновение поколебавшись, открыл страничку Лизы. На экране был мужчина в одежде бедуина: одни глаза. Неожиданно светлые.

— Почему женщины носят такую одежду, я поняла. Но вы же не женщина? Почему у вас закрыто лицо?

— Так удобнее скрываться от Интерпола, — мужчина чуть посмеивался.

— А вам надо скрываться?

— Помилуйте. Это я пытался шутить. Просто я долго жил в пустыне. Нихаб, — мужчина провёл рукой по белоснежной ткани своих одежд, — прекрасно защищает от палящего солнца, песка, который разносят частые сильные ветры. Представь, если ты приехала на Крайний Север, где лютые морозы, и пошла гулять в шляпке?

— Ну да! — Лиза чему-то очень радовалась. — Там же носят шапки-ушанки, закутываются, так что тоже одни глаза остаются! А крестьянки в поле, в кино показывают, туго были повязаны платком, и платья на них до пят! А в православный храм и по сей день женщине нельзя войти без платка!

— В храм — в платке. А вышла — и забыла про него! — был радостен и “бедуин”. — А почему поведение в храме должно отличаться от поведения в обществе? Это и есть разлад с собой. Бог остался там, за стенами, а здесь как, сами по себе?! Так не бывает. Мусульманин, мусульманка с Аллахом всегда, в каждом шаге, движении, биении сердца...

В прорези одежды глаза его казались бездонными, как ясное небо над морем.

— Вы ведь сейчас не в пустыне. Трудно говорить с человеком, когда не видишь его лица, — протяжно произнесла Лиза.

“Бедуин” одним движением снял повязку с лица. Серый ожидал увидеть что-то изуродованное, ненормальное, иначе зачем было бы прикрываться? Открылось... явственно русское лицо. Или так: лицо славянской национальности. Белая кожа, русая борода. Прямые, чёткие, мягкие черты. Про такие говорят: иконописные...

Странно: ревновать Серому повода не было. Но щемящее чувство не оставляло: собственной несостоятельности, что ли?

— Вы очень красивый мужчина. — Лиза явно превозмогала смущение.

— Как мудр был пророк Магомет, — воздел ладони действительно красивый мужчина, — предписывая мусульманам глухие одежды! Вот только что мы говорили о существовании, а теперь поведём речь о внешности, которая к существованию не имеет отношения. Я мог быть уродцем, но при этом иметь высшие намерения?! Как может быть и наоборот?!

Мужчина с экрана смотрел так, словно перед ним был милый ребёнок. Голос звучал мерно, чуть отстранённо и с той уверенностью в знании истины, с какой часто произносят самые обыденные слова восточные люди.

— Хорошо, — светилась улыбкой и Лиза. — Не будем про внешность. Вы не ответили на вопрос о той девушке, которая торговала телом, а хотела быть чистой? У обочины дороги?

— Она стала жить так, как звала её женская природа.

— Снова стала девственницей? — Лиза умела уколоть.

— По существу — да. Она приняла магометанство и живёт в согласии с собой...

— Но ведь вы же по виду русский?! Или украинец?! Или белорус? Шляхтич? Поляки обычно красивые...

— Опять по виду...

Серый так настроился чувствовать себя всё видящим и слышащим невидимкой, что забыл про телефон, который вдруг жучком забился в кармане. Выскочил стремглав из отцовской мастерской, не зная, могли ли интернет-собеседники расслышать звонок?

Звонил помощник, Олежка, из-под “Маяка”. Как дети малые! Чуть отвлечёшься, у них там вся работа встаёт.

— Гипсу привезли — не формат! Выщербленная, левая какая-то!

— Ты её, надеюсь, не принял, накладную не подписывал?!

— Что я, совсем, что ли? Вот он, водила, стоит...

— Щас буду! — отвечал начальник на ходу, обретая прежний ритм.

Мчался, сдерживая себя, чтоб не гнать. Почему-то так: душа не на месте, и начинаешь подавливать гашетку газа. А что, собственно, случилось? Только то, что не умеет он вести такие разговоры, на которые мастер этот “бедуин” с нерусским голосом.

— Надо на отгрузку всегда посылать своего человека! — выговаривал помощнику Серый.

— Так что ты не послал? Я же на объекте!..

Вопрос был решён: машину с грузом отправили обратно, Серый — генеральный директор Сергей Павлович — лично пообещал прибыть на склад, разобраться.

Серый занимался делами, а сам ловил себя на мысли, что торопится вернуться домой. Но для чего?! Сесть к компьютеру, подслушивать и подсматривать за женой? Он направился, было, к машине, оставленной на дороге, открыл дверцу, постоял. Захлопнул с силой. Нет уж! Не будет этого! Не станет он больше входить в её программу, у каждого есть право на свой мир, общение. Пошёл к склону высокого крутого берега.

Вид открывался... “Иван-баба” словно пытался отбиться от суши. Монах этот, отшельник, который жил на островке в Средние века, представился похожим на мусульманина с лицом славянина: к этому бы тоже шли люди, не боясь, по шаткой жёрдочке. Тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Ближе к берегу плавала утка-нырок, держа длинную шею вопросительным знаком. Ушла под воду, долго не было видно, вынырнула вдали от прежнего места, взмахнула крылами и с воды, вытянувшись стрелой, полетела в небо.

— У тебя что, проблемы какие-то? — приблизился чуткий Олежка.

— Да... — хотел было отмахнуться и уйти Серый. Но вдруг сказал: — Жена изменяет.

Олежка помолчал. Посмотрел внимательно, с недоверием:

— Что-то по Лизе не похоже...

— С компьютером изменяет.

— Ну, знаешь... Как гора с плеч! Что там, виртуальный секс?

— Какой секс!.. Общение с интеллектуалом. О религии беседуют.

— Так это же загребись! Религия, она... — Олешка что-то несколько раз отсёк воздух ребром матерой ладони.

— О мусульманской религии. Об их одежде... — теперь Серый провёл перед собой по воздуху ладонями, показывая глухие покровы.

— Он наш, из татар?

— Да нет. Где-то в песках живёт...

— И чё? Не бери в голову! У них там с женщинами-то проблемы! С ослицами живут!..

Мужчины на крутом берегу посмотрели друг друга и рассмеялись в голос.

Лиза шла между новенькими автомобилями, расставленными по салону: делала шаг и оглядывалась, ещё не вполне веря, что всё взаправду, не розыгрыш и не шутка. Она открыла дверцу красного цвета “Лансера”, села, взялась за руль, муж помог установить удобное положение сиденья. Понравилось сразу, никуда не хотелось уходить. Но рассудительный Сергей настоял, чтобы она опробовала и другие машины — в данной ценовой категории, разумеется. И Лиза стала примеривать автомобили, как платья в магазине одежды. Обошла вокруг, села, завела, опробовала руль. Вернулась к первому, “помидорчику”.

Дома, во дворе, всё семейство ходило вокруг новой машины, и Павел Валерьевич присаживался, и детвора — и на заднем сиденье устраивались, и за руль садились: сначала маленькая, Селина, запросилась, а потом и старшие, Алёна с Викой, тесня друг друга. Марк Самуилович случился рядом. На этот раз настроенный абсолютно философски:

— Идёт борьба за скорость. Интернет всё наращивает скорость передачи информации. Плата — что это такое? Память. Уничтожение памяти — самое большое преступление, которое может быть в человечестве. Сегодня руководство государства Украина занимается именно этим: уничтожением памяти. Подменой понятий. У них воображения не хватает понять, что в человеке хранится память на уровне ДНК.

— Как? — разделяя слова, Павел Валерьевич указал на машину.

— Что “как”?

— Машина? Только из магазина!

— Машину купили? — заметил, наконец, обновку большой философ. — Хорошая машина. — И тотчас, не нарушая мысль, вернулся к явно более важной теме: — Человеческая память хранится в сахарозе ДНК, а память человечества — в сети интернет!

— Этого фактора руководство Украины не учитывает, — как бы очень глубокомысленно пояснил всем Павел Валерьевич.

— А материнская плата всемирной интернет-сети где? В США, и лишь частично в Европе! А это что означает?

— Что?

— Власть над миром!

Взрослые в большом согласии кивали, но у детей чувство такта было вне уготованных миром сетей:

— Поехали, прокатимся! — загалдели наперебой. — Поехали! Папа! Мама!

Неделю Лиза буквально не вылезала из машины. Развезёт детей по садикам, вернётся, поставит, тянет снова ехать. Без всякого смысла, просто по улице, выедет на трассу, вернётся обратно.

А в выходные решили осуществить то, что хотели сделать ещё на “десятке”, да всё никак не могли собраться: поехали по Крымскому кольцу. С собой взяли только среднюю, Алёну: старшая ходила на платные подготовительные занятия в школу, младшую мучить в машине сутки напролёт смысла нет — какие у неё ещё могут быть впечатления?

Алёнка и задала тон дальнейшему путешествию. Первую остановку сделали в Судаке, у Генуэзской крепости. В Феодосии есть своя Генуэзская крепость. Помощник Олешка там рядом живёт, так просто помешан на её истории. Генуэзцы построили крепость в Феодосии и обосновались — тогда в Кафе — на полтора столетия раньше, чем в Судаке. А покинули Кафу

из-за чумы — чума разразилась среди монгольского войска, осаждавшего крепость. Они катапультировали заражённые трупы через стену. Начало четырнадцатого века, а до сих пор район вокруг крепости называют “Карантин” — впоследствии всех прибывавших в Кафу сначала отправляли сюда на карантин. Поэтому, зная, и мыс Ильи, красивейшее место, находящееся далее крепости, оказалось незастроенным. Судакская крепость, по преданию, заложенная аланами ещё во втором веке, более отреставрирована, окультурена. Здесь и фильмы многие исторические снимали. На её территории есть музеи. Зашли Головины в музей, и четырёхлетняя дочка выдала громким голосом:

— Что это за спонаты в этих музеях?! Все старые! Все разбитые! — с буквой “р” пока были проблемы: получилось почти негодующе и воинственно: “ставые!”, “вазбитые!”.

Народ, находившийся в музее, что называется, грохнул от смеха! Рассмеялся в голос, непривычно для себя, и Сергей. И поймал на себе взгляд жены: Лиза смотрела на него как... на полного дебила. На микроба. Но хуже того: взгляд этот переносился и на дочь.

Отец погладил по голове дочку: ему понравилось то, как она сказала, — угадывал в этом бабушку Евдокию или даже просто бабу, сибирскую, из деревни, как он их помнил. Им тоже бы казалось, что негоже старьё разбитое выставлять. Поднови, покрась, тогда и показывай!

Блюмкнула “эсэмэска” в телефоне жены: открыла, прочитала и сразу затеплилась своим прекрасным лицом. Ликом.

Дорогу вдоль крымского побережья называют серпантином. Вьётся она гребешком по горам и долам, то взмывая по крутому склону, то дугой ухая вниз! Лепота вокруг эдемская: и море, вот оно, разлитое — слепящая синева, — и решительно выдвинувшаяся остроковая скала, и утопающая в южной сочной растительности ложбина. Вдруг обрыв, и нависающие камни! А на заднем сиденье — дочь, смотрит во все глазёнки, а машину ведёт жена... За рулём без году неделя. При этом норовит обогнать впереди идущую “шестёрку”.

— Под горку не надо, — осторожно остепенял Серый, понимая, что каждое его слово для неё может быть ущемлением личности. — Наоборот, в горку пойдём — тогда.

А как не обгонять, дедуля сидит себе, затылком отсвечивает и жмёт километров под тридцать. Местные, молодые, наловчившиеся, снуют быстро: прижмутся почти вплотную к заднему бамперу, на дороге чуть ровный промежуток — обогнал. Ну, и вездесущие “москвичи” на крутых иномарках, словно везде пытаются судьбу: закладывают виражи, только их и видели. На взгорье — дух захватывает! — море, будто полная, поданная на невидимых руках чаша. А с другой стороны — стекающие потоками вихрастые леса. И куда 77-й гонит, чётко отслеживая перед собой только фрагменты трассы да габариты машины впереди, которая тотчас остаётся позади? Слева по дороге, в селе Малореченское, совсем на краю берега, как “Ласточкино гнездо”, высился храм-маяк Святителя Николая Чудотворца. Воочию Серый видел его впервые: он только начинал разворачивать в Крыму свои строительные дела, когда происходила его закладка. Будто по мановению палочки, вырос храм, похожий на ракету перед стартом. Архитектурное попадание в точку: словно был тут всегда!

— Давай левее, вон стоянка, — предложил жене Серый.

— Зачем? — ехала она небыстро.

— Зайдём. Самый высокий храм Крыма!

Снова проиграла музыка смс-сообщения: Лиза, не отрываясь от руля, правой рукой взяла телефон, провела пальцем по монитору. Сергей обратил внимание, что исчез маникюр, а прежде длинные ногти острижены. Жена тем временем прочитала сообщение, в задумчивости задержав взгляд, когда смотреть надо на дорогу. Положила телефон на панель между сиденьями. Но храм уже миновали, по дороге шла сплошная линия, не развернуться.

— Потом зайдём, — улыбнулась Лиза. — Мы же хотели в Солнечногорском остановиться, давай сначала с местом определимся.

Солнечногорск был сразу за Малореченским, считай, один посёлок. Свернули в кемпинг: открытое, охраняемое место на берегу, где можно разбить палатку. Ты, вроде, и дикарь, но в то же время есть так называемые удобства. И просто россыпь магазинчиков, кафешек, где всё вполне по карману!

Первым делом, понятно, в воду! Он брал Алёну на сомкнутые ладони, подталкивал, чтобы могла плыть. Лиза медлила с раздеванием, вдруг сказала, что здесь людно, она не может, отойдёт купаться в сторонку.

— Что людного-то, полтора человека! — удивился Серый.

— Не могу. Мужчины, — кивнула она. — Мужской взгляд. Липнет.

— Ну, хорошо... — Серый потащил дочку за мамой. — Мы все можем в сторонке.

Серый осознал, что с женой происходят более серьёзные перемены, чем игра или увлечение: новое длинное платье до пят, платок тугой означали не просто форс, а нечто более серьёзное.

Ближе к вечеру расположились в открытом кафе, на диванчиках вокруг невысокого татарского стола. Серый полулежал, как восточный мужчина, Алёнка перебежала с места на место, усаживалась на диванах с ногами, пока официантка в татарском убранстве приносила еду.

Лепота: бокал вина в руке, рядом красивая жена, счастливый ребёнок, море зеркальное, вечернее, дышит! Храм отсюда, с низины, виделся на крутизне в высоте, пронзающим небеса!

— Красавец! — оценивал как строитель Серый.

— Да, красиво! — соглашалась Лиза.

Дочь посматривала вслед за взрослыми.

— Помню, прабабушка говорила не “церковь”, а “церква”. “В церкву пойду”, — со смехом вспомнил Сергей. — Надо и нам сходить в “церкву”.

— Какая прабабушка, наша? — заинтересовалась Алёна.

— Нет, моя прабабушка, ваша прапрабабушка. Она в Сибири жила, далеко.

— Сходите, — милостиво улыбалась Лиза.

Вновь закатился проигрыш эсэмэски на её телефоне. Жена прочитала, улыбнулась чему-то.

— А ты? — вернулся муж к прежнему разговору.

— Что я?

— Ты что, с нами в храм не хочешь?

— Да я так за рулём устала...

— Завтра, с утра.

— Завтра будет видно, — вздохнула жена.

“Рюмка водки на столе...” — пел за электронной музыкальной установкой ди-джей. На пятачке перед ним танцевали отдыхающие. Странно: Сергей как местный даже на отдыхе не мог себя к ним причислить. Потянул Лизу танцевать, но жена не захотела, пожав плечами.

Как хорошо краем берега идти к палатке по вязкому песку! Море тихое, готовящееся ко сну. Звёзды низкие, ясные — с чем их там сравнивают? С гроздьями? Россыпью? Взрывом? Марк Самуилович, наверное, сравнил бы со строением ДНК? Всё верно. И всё не так.

В палатке Алёна легла посредине. Молчали. “Вших, вших...” — полнил чувства нарастающий прибор.

С утра Серый обнаружил в телефоне кучу неотвеченных вызовов. Спешно перезвонил — можно сто лет бегать в поиске хорошего заказчика, но как только собрался отдохнуть, тебя нет не месте — он тут как тут! Посмотрел на Лизу, которая у воды причёсывала волосы — как же это красиво: женщина у моря с чуть склонённой головой и прядями волос, спадающими к плечу... Возвращаться не хотелось. Да и план весь нарушался. Решили: дальше без ночёвки, за день по кругу успеют, да и хватило её, палаточной жизни!

Серый сам сел за руль: серпантин после Солнечногорска вихрился очень крутыми виражами, для неопытного водителя опасно. Да и Лиза пусть повертит головой, посмотрит с высоты на море, распадки, долины. Вдохнёт ширь!

Хотя вдыхать ей не давали смс-сообщения: блюм да блюм.

— Кто там тебе всё шлёт?
— Пророк Мухаммед.
— Кто?!
— Просто я зарегистрировалась на одном умном сайте, и ко мне приходят хадисы пророка Мухаммеда. Хочешь, прочту.

— Давай.

— “Не слушай советы одиноких людей”.

— Никогда не думал об этом, но ведь правильно!

Ну, вот. Он уж начал Бог знает что думать, а тут на тебе, пророк!

Следующую остановку сделали в Балаклаве. Турки в своё время Балыком кликали: залив, если сверху глядеть, похож на большую рыбину (балык — рыба). Бухта также сравнима с морским клыком, вонзившимся в сушу. Ныне для большей туристической привлекательности Балаклаву зовут Крымской Венецией. Оно и правда: прогулочные судёнышки снуют туда-сюда, есть и гондолы, на одной стороне берега дома, гостиницы, эллинги. С другой — советское чудо света! С виду — гора горой. Называется Таврос. А внутри, в скале, будто в фантастических фильмах, громадные рукотворные цеха и ангары завода по ремонту подводных лодок!

— Это укрытие, — сообщила девушка экскурсовод, — может и сейчас выдержать удар ядерной бомбы в сто килотонн и вместить около трёх тысяч человек...

В рукотворных подземных катакомбах было студёно, гулко. Торжественно. Сергея поражал объём выполненных работ: пробитые в камне просторные ангары и коридоры, идеально выравненные стены, столь же идеально параллельные берега водного канала, выходящего через сквозной проём в открытое море! Он держал дочку за руку покрепче, дабы не вырвалась, не потерялась, не свалилась, страшно подумать, в канал с глубиной, спланированной под движение субмарин. Экскурсовод рассказывала об истории судостроения подлодок, экспонаты можно было потрогать руками. А в батискафе даже посидеть и сфотографироваться.

Великая держава готовилась к отражению возможного вооружённого нападения. А вторжение произошло иное, без выстрелов и видимой военной техники. В девяностые годы всё это добро, усилия ума и рук человеческих, хирело и разворовывалось, сдавалось в утильсырьё, а в двухтысячные группа энтузиастов, бывшие судостроители и подводники, оставшиеся без руля и хлеба насущного, собрали по крохам останки и пробрили организацию музея.

В одном из рукавов подземного лабиринта, на стене, ещё не реставрированной, с жучком эрозии, было начертано: “Не всё говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь!” Красными буквами, заключённые в рамку, с нарушением пунктуации, эти строки казались написанными кровью. Девушка экскурсовод поясняла, что в условиях строжайшей секретности слова древнего латинского поэта обретали особую актуальность...

Серый заметил, что все вокруг — люди, шествующие за экскурсоводом, — переглянулись с текучей улыбкой. Будто и сейчас не хотели сболтнуть лишнего. Лиза тоже улыбнулась, прижалась щекой к его плечу, как бы говоря: в этом мире с ядерными бомбами, подземными укреплениями и прочими военными хитромудростями только и можно спастись, что любовью.

Видно, и киевский князь Владимир, правитель Великой Руси, на двадцать восьмом году жизни прозрел, что без любви никуда! В Херсонесе, где принял Владимир Крещение, молодой красивый экскурсовод с лёгкой бородкой рассказывал, что князь с отроческих лет был блудником и насильником. Родился вне брака, от рабыни, в пятнадцать лет убил родного брата, силой взял его невесту на глазах её отца и матери, а потом убил их. Всё это было абсолютной нормой поведения для язычества! Кроме жён, имел восемьсот наложниц. Серый мысленно прикидывал: если к каждой всего по разу заглянуть, и то дел более чем на два года! Победные войны привели киевского князя в Крым. Здесь, на благоденственной земле, ему открылось чудо любви — высокий красивый экскурсовод оглядывал пространство, море, ясные небеса, останки древнего Храма с углублением купели, колоннами, подпирающими

открытое пространство. И останавливал взгляд исключительно на лице Лизы. И дальше, будто только ей одной, говорил:

— Князь Владимир полюбил сестру византийских царей Анну. Да так, что стала одолевать его слепота.

Слепота, как понимал легенду рассказчик, не буквальная, а душевная. Это же и сегодня случается с пресыщенными людьми: деньги, власть, женщины, а покоя душе нет! Владимир попросил у именитых братьев Василия и Константина руки Анны. Византийские цари дали согласие при условии: киевский князь примет христианство. А это означало — полный жизненный переворот. Отказ от лобострастия. Князь Владимир крестился и тотчас, как сообщают летописи, прозрел. Слепота исчезла — потому что был сделан главный жизненный выбор. Личный и выбор исторический: для всего народа. Женится на Анне, а всех своих прежних жён и наложниц отпустил по их воле выбрать себе мужей.

— Но ведь Владимир прежде принимал ислам? — услышал Сергей голос жены.

Он в первое мгновение не поверил — да, говорила она, прежде вроде не интересовавшаяся историей.

— Такая версия существует, — внимательно, иначе посмотрел на неё молодой экскурсовод. — Об этом сообщают некоторые арабские источники. Но древнеславянские документы этого не подтверждают.

— Новая вера. Новая власть. — Лиза сдвинула брови к переносице. — Мы являемся живыми свидетелями, когда переписывается история. Сейчас всё в угоду Америке. А тогда — в угоду Византии.

Сергей был поражён: не без пользы она там, в интернете сидит.

— С той разницей, — улыбнулся экскурсовод, — что киевское войско было не слабее византийского. И не князь Владимир, а царь Василий просил о военной помощи русичей. Так или иначе, никто не оспаривает факт, что Владимир принял христианство, чтобы жениться на Анне. Победила любовь!

Слушатели заплотировали. Вновь пришедшее смс-сообщение Лиза зачитала мужу сама: “Я увидел, что большинство из обитателей ада — это женщины, потому что они проявили неверие”. И его спросили: “Неверие в Аллаха?” И он ответил: “Неверие в мужа...”.

Сергей снова в приливе чувств крепче приобнял жену:

— Мне нравится этот парень, Мухаммед!

В Севастополе только сфотографировались у памятника 300-летия Русского флота: время поджимало. В Бахчисарае, как подтверждение исторического выбора, дворец хана Гирея и наскальный Успенский собор расположены неподалёку друг от друга. И часы работы были одинаковы: всё уже закрыто. Но полюбоваться ущельем, удивляясь (хотя были здесь не в первый раз) ещё одному непостижимому крымскому чуду света, ничто не мешало: на заре христианства гонимые византийские монахи в скалах, на высоте сотен метров, выбили кельи, напоминающие теперь чижинные гнёзда в обрывистом берегу. Как они это делали без альпинистского снаряжения? Как жили в них, надо было ведь спускаться, подниматься? Готовить еду? Не птицы же, чтобы приносить пищу в клюве? Создан был и наскальный пещерный храм. Сила веры!

Лиза снимала на камеру, как Сергей с дочкой набирали святой водицы из родника, шли с бутылками вниз, где оставили машину.

Перед последним броском решили поужинать в татарском открытом ресторане. Пока Лиза с дочкой отлучались “помыть ручки”, Сергей быстренько открыл страничку сообщений в забытом на столе телефоне жены. Действительно, лентой шли поучения: хадисы пророка. “Для того чтобы стать лжецом, человеку достаточно передавать всё, что бы он ни услышал”, — остановился кадр. И опять ему это нравилось! Да пусть она читает умные поучения, а не какую-нибудь “жёлтую” прессу, где как раз и передают всё, что ни услышат!

— Шашлык из баранины, говядины, свинины? — учтиво подошёл к ним хозяин заведения. Сам он, по признанию, свинину не ел, но приготовить для гостей — от всей души!

— Из баранины, конечно. Из заливки!

Подобно восточному человеку, Серый любил полулежать на диванчике. Позволил себе винцо: женщина взяла дальнейшее управление машиной на себя. Лепота!

— Почему татары всегда дружнее, чем русские? Друг друга выручают. И живут круче, посмотри дома в татарских деревнях.

— Раньше и у нас так было.

— Когда раньше? Помнишь, из школьной программы, образ Сонечки Мармеладовой? Девушка проституткой стала, чтобы семью кормить! У мусульман бы этого никогда не случилось.

— Ну, не знаю. Что они дружные, то да. А всего остального у них...

Лицо жены дрогнуло, как от боли. Лиза покосилась на площадку диджея, откуда разносилась восточная мелодия. “За тебя калым отдам, душу дьяволу продам...” — только сейчас обратил внимание на музыку и расслышал слова Сергей. Знал, что для Лизы всё это трень-брень, как скрежет колёс.

Её глазами он увидел то, что мгновение назад мнилось верхом блаженства, — еда, диванчики, открытое небо, дешёвое вино с пенным ободком по стеклу бокала — всё обрело облик затрапезности.

— Крымские татары никогда не были настоящими мусульманами, — словно улеталя куда-то Лиза. — Они осколки Золотой Орды. Такой же сброд, как и русские.

— Почему русские сброд?

— А кто ещё? Большой сброд только американцы!

С удивлением и гордостью, подняв бокал, муж провозгласил хвалу:

— Поднаблатыкалась ты в этом интернете!

Зачем так сказал? Это ведь не его словечко? Хотелось как-то в шутку всё перевести, что ли?

Когда подъехали к Симферополю, стемнело. Среди уличных огней ещё был обзор, а выехали за город — мрак. Небо беззвёздное. Свет фар высвечивал узкое пространство, скакал вместе с “Лансером”, как по волнам. Вести машину было непросто. Сергей даже предложил, может, всё-таки ему сесть за руль?

— Да нет уж, выпил — сиди.

Странно, вопреки очевидной опасности, Лизе хотелось ехать всё быстрее. Она глубже топила педаль газа, обгоняла автомобили, попадавшие впереди. Интересно: надвигаешься так на высвеченный задок машины, руль влево, подбросил ещё газку, и дальше! Под музыку в салоне.

— Можно я на секунду убавлю звук, — спросил Серый. — Послушаю, как работает двигатель.

— Слушай.

Он сделал музыку неслышимой.

— И что? — было интересно ей.

— Думаю, к весне начнём строиться. Там, на мысе Ильи, под “Маяком”. Будешь с балкона море обозревать. Балкончик такой сделаем, лепестком.

— Я про звук.

— Какой звук?

— Ты хотел двигатель послушать. Всё нормально?

— Отлично!

— Можно музыку включить?

— Конечно, конечно!

Летом в Феодосии в любое время ночи на улице обязательно встретишь прохожих, даже в окраинных домах тут и там горит свет, слышится движение, ибо отдыхающий — он не спать сюда приехал! Осенью ночью город, особенно частный сектор, напоминает сказочное заколдованное существо. Тишь, мрак! В свете фар — причудливые морды деревьев из-за заборов, выложенных из камня, глины, ракушечника. Камни и глина на дороге, где не ухаб, там яма. Древний крепостной мир.

По всей улице светилось только окно двухэтажного дома на взгорье: бабушка, зная, всё неустанно колдовала на кухне.

Лиза поднималась из-за руля, вставала на твёрдую землю: всё её тело гудело приятной победной усталостью — такое расстояние преодолела, сама, да ещё ночью! Муж открыл ворота, загнал машину во двор. Взял с заднего сиденья, понёс на руках спящую дочь по узкому, с чёткими гранями тротуару. Свет из кухонного окна шёл неровно, а вдруг притухая, как бы подавая знаки. Спина мужа в этой пульсирующей полутьме, свисающие ноги дочери, очертания дома показались нереальностью, в которую сейчас она снова войдёт вслед за Серым. Евдокия Семёновна будет варить борщ на завтра, муж с утра умчится на работу, она отвезёт детей в садик, потом их заберёт, муж вернётся затемно, когда его мама варит борщ на следующий день... Остро, спасительно Лизу потянуло на второй этаж, в угловую комнату, где, ведомо только ей, в доме существует некая пробоина, выход в открытый космос, в бесконечность человеческого общения, где — Бог ведь где? — в пустыне ли, в подземелье, находился на другом конце невидимого провода Идрис! Он — как сама Вселенная — необъятен.

Муж поднялся по ступенькам, чуть присел, чтобы, удерживая на руках ребёнка, открыть дверь. Она опередила его, открыла сама. Свекровь в мигающем свете стояла не у плиты, как обычно, а посреди кухни с половником в руке. Странная, неподвижная.

— Отца на “скорой” увезли, — произнесла она, так и не двинувшись с места. — Обострение с почками.

Не плакала.

— А дети? — спросил, как Лизе показалось, не к месту Сергей.

— Дети спят. Что им, детям?.. Садитесь есть, баклажаны натухшила, чего теперь?..

— Да мы в Бахчисарае объелись! Или как ты? — повернулся муж к Лизе.

Она в ответ только покачала головой.

— Устали? — как-то резко постарела свекровь, которую невестка даже мысленно никак не могла назвать мамой. — Клади иди Алёнку-то, да пусть бы пописала, так не клади. Давай я сама... Говорила ему: “Иди на обследование, иди на обследование”, — дак всё в этой биндюжке!..

Лиза помнила, как сладко растянулась, разогнув затёкшую спину, прикоснулась затылком к подушке, и всё. Утро, свет в окне. Ни Сергея, ни детей: всех он заботливо собрал, увёз в сад, не разбудив её. Дал отоспаться. Всё как всегда.

Лёгкость во всём существо была, весёлость. Всё-таки молодцом она вчера по ночи: вжиль, вжиль! Душ, кофе... и в интернет. На страничке Идриса неожиданно были выложены рецепты восточной кухни. Никак она не ожидала этого от него, существующего, казалось, вне бытовых интересов. Широкий он и всегда неожиданный!

Снова была за рулём! Ловко так стало у неё получаться: чуть притопила газ, и авто из-под тебя!.. Метеор! Арабский скакун!

Припарковалась у рынка. Мяса надо было взять и приправ. По рецепту Идриса. Вышла из автомобиля, звонко пискнула сигнализацией — мысленно поставила скакуна в стойло! И увидела, как подъезжает на свободное пространство, словно понуждая прочие машины раступиться, “Мерседес-Бенц”. Чёрный, отливающий синевой. Полировка — хоть смотришь, как в зеркало. За рулём была... “купающаяся мусульманка”, видео которой Лиза выкладывала в интернете! Полноватый мужчина, который сопровождал мусульманку на пляже, поджидал машину на тротуаре. Шагнул, открыл дверцу. Женщина в долгополом, теперь фиолетовом, из тончайшего шёлка одеянии ступила на хромированную подножку. Выглянула туфелька — Лиза успела заметить — модельная, на высоком каблучке. Юная восточная красавица спускалась на землю, придерживая подол, и ткань платья катилась волнами по её точёной фигуре. Вдруг посмотрела и дружески улыбнулась Лизе, будто знакомой. Мусульманка была не выше ростом, но Лиза почувствовала себя несоизмерно маленькой, убого одетой и, как почувдилось, принадлежащей низшему миру. Её “Лансер” рядом с “Мерседесом” смотрелся сиротиной, поджавшим хвост и опустившим нос. Какой там скакун! Пресмыкающееся!

В нескольких метрах к свободному пространству плавно, как морское судно, причаливал белый “Лекус”. Рослый плечистый мужчина в белом европейском костюме с иголки и белой куфии — она уже знала, как называется такой мужской головной убор с венчиком — вышел из этой машины. Лиза смутилась, когда он, заметив её интерес, посмотрел в ответ: глаза большие, печальные. Тоже легко улыбнулся и склонил почтительно голову. Лицо смуглое, черты тонкие. Восточный принц!

Лиза глянула на номера машин, ожидая увидеть арабскую вязь, нет — номера были российскими, но не московскими. Так вышло, что шла за восточными людьми. Женщина, одетая в хиджаб, указывала пальчиком с маникюром, полный мужчина свершал покупку, травы, пряности. “Принц” иногда одобрительно кивал, с высоты роста со смиренной улыбкой, как у монаха, оглядывая людей на рынке. В мясном павильоне он взял длинную вилку и неожиданно сам потыкал баранину — рёбрышки, бедро, загривок, — пошёл к другому торговцу. “Дэтям, для дэтекого дома бэрём”, — поясняла с улыбкой торговке женщина.

Зелень в изобилии росла дома в огороде, Лиза взяла острых пряностей — Сергей же любит, а у мамы всё вечно пресное, — и баранины с того же прилавка, мясо на котором одобрил “принц”.

По возвращению домой первым делом она отчитывала Идриса:

— Ваше мнение о том, что мусульманская одежда уравнивает женщин разного возраста и внешности, не выносит никакой критики. Сегодня видела женщину на рынке в хиджабе. Все на неё смотрели, мужчины шеи выворачивали. Так что привлекательность не скроешь, если она есть.

Идрис вышел на визуальную связь. Был точно в таком, как у “принца”, платке, с ободком вокруг темечка. Милостиво улыбнулся:

— Восток красив сам по себе. Во всём. В природе. В дворцах Хорезма. В женщине, которая совсем не обязана быть сирой, как это часто бывает с прихожанками в православных церквях. Батюшка — в золочёных ризах, а согбенная женщина в дерюжке целует ему руку. Мусульманский мир, как мы уже говорили, не признаёт безбрачие как святость. Наоборот: Аллаху угодны плодоносящие женщины и мужчины.

Собеседник улыбался чуть шире, и у него чётко прорисовались ямочки на щеках!

— Но ведь вы же русский, Идрис, русский: национальность это не внешнее, это склад... — она искала подходящее слово, — генотип!

— А разве где-то сказано, что только арабы или тюрки должны быть мусульманами? Среди славян есть народы — мусульмане. Русские до христианства были мусульмане...

— Это утверждают только арабские источники... — поторопилась со знаниями Лиза: не зря слушала лектора в Херсонесе!

— Арабским летописцам не было выгоды лукавить. Их история во времена молодой Руси насчитывала тысячелетия! Можно предположить, что не все, а только отдельные княжества были мусульманами, как не все хазары были иудеями... Да, я русский, хотя отец мой был из обрусевших латышей, а мама, скорее, белоруска.

Идрис смотрел с необъяснимым обожанием, так, будто она сама должна была про него всё понять и знать.

— Вы были в плену? — заглядывала внутрь его души Лиза. — И там приняли Ислам?

— Нет, нет, — он так просто, от души рассмеялся: даже смахнул слезинку с глаза. — Это расхожее мнение: славянин попал в плен, поддался обработке... Нет, Лиза. В плен брал я. Исторически это не раз случалось, когда народ-завоеватель принимал веру и образ жизни завоеванного народа.

Он опять долго смотрел на неё, теперь грустно, хотя и с улыбкой, и почему-то сочувственно.

— Вы воевали в Афганистане?

— И в Таджикистане. И в Чечне. Но я не вижу в себе такой ценности, чтобы досаждать небу рассказом о себе. Тем более, ты же это знаешь,

Лиза, что даже самый искренний человек, начав рассказывать о себе, обязательно расскажет легенду?

— Да, да, — радостно закивала она.

— Я постараюсь рассказать не о себе, а том пути, которым Аллах меня вёл к самому себе, а значит, к вере. Простые афганцы меня поразили. Вокруг война, бедность, но никто не ропщет. Человек встаёт спозаранку, свершает намаз. У него хозяйство, скот, целый день в трудах, и он счастлив, что Аллах послал ему то, что есть. Человек не зарится на чужое, не завидует. Помню дервиша, который во время боя на рынке продолжал сидеть на циновке, погружённый в свои медитации. Только когда пули вздымали песок рядом с ним, он поднимал посох и грозил — причём то одним, то другим воюющим сторонам! Из Афгана меня вывозили на носилках. Я плакал. Афганец в аэропорту сказал мне на ломанном русском: “Не плячь”. И подал мне конфетку. — Идрис рассказывал о слезах с улыбкой, тихим светом. — Я понял про него, что он душман: днём мирный работник, а ночью воин. А он, единственный, понял, что я плачу не потому, что больно, а потому что не смогу больше воевать. — Глаза Идриса искрились. — Но я вернулся на войну. В Закавказье. Многого бы я не понимал, если бы не довелось выходить в составе колонны российского контингента войск из одной республики бывшего СССР с населением сугубо христианского вероисповедания. Большого предательства, мародёрства я не встречал никогда! Вчера только мой сослуживец, майор, из местных, поднимал рог за дружбу и нерушимое братство, а сегодня приходил грабить. Многие наши офицеры выходили семьями. Но без оружия: главнокомандующие новой России подписали приказ за приказом о разоружении войск, находящихся за пределами границ. О передаче собственной армии без оружия и вооружить другую, далеко не дружественную армию?! Единорезцы насильовали наших жён и дочерей! Я сумел припрятать только гранату, чтобы, в крайнем случае, подорвать себя, не испытав позора. Потом Чечня. Чеченцы вообще особый народ. С ними может воевать только русский Ваня. Вот этот Ваня где-то в быту робок, трусоват, но дай ему винтовку, поставь в строй, и он идёт и идёт вперёд, падает, поднимается и опять идёт. И чеченцы этого Ваню уважают! Демобилизовался, думаю, ну, начну мирную трудовую жизнь. Приехал в свой родной подмосковный город, известный производством стали! Мой отец был знатный сталевар! Герой Труда! Привык много работать, хорошо зарабатывать и быть уважаемым в городе человеком! Приехал сын с боевых полей, сели мы с ним, я — с воинскими орденами, он — со звездой Героя Труда, приговорили одну бутылку, другую... А что остаётся? Два безработных. Мама, инженер, работала вахтёршей, ушла в ночь. Я заснул, как в угаре. Утром просыпаюсь рано, выхожу на кухню — жажда... И отец... в петле, на трубе парового отопления. Оставил две записки. Одну маме: “Прости”. Другую Ельцину. Во весь листок рваным почерком. “Борис Николаевич! Вы говорили, что ляжете на рельсы, если в стране будет продолжаться бардак. Я Вас поддерживал, митинговал, стучал каской об асфальт у горкома партии. Результат: завод стоит, второй год без работы и зарплаты, в холодильнике шаром покати. На шею у жены, которой тоже месяцами не платят. Бандитизм, развал, предательство! Борис Николаевич! Я принял решения лечь вместо вас на рельсы”. А на кухне — телевизор включённый. Мы его ещё с вечера смотрели. Всенощную службу в храме транслируют. И кадры: президент России стоит в церкви со свечкой... — Идрис долго, опять с улыбкой, только иной, горькой, смотрел на Лизу: как бы оставляя время на раздумья. — Вышел я на улицу, чтобы продохнуть. — Он показал, как не хватало воздуха. — Куда податься? Прежде это был город с двумя школами олимпийского резерва! Что ни боксёр, то борец. Все ушли в бандиты. Все друзья детства! С ними? В криминал? Стал петь в ресторане.

Идрис наклонился и... оттуда, из-за кадра взял гитару: красивую, двенадцатиструнную. Заиграл: умело, легко. Песню известную, но на свой лад, сильным баритоном усталого путника:

*А в небе голубом горит одна звезда.
Она твоя, о, ангел мой, она твоя всегда.
Кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят.
Пусть ведёт звезда тебя дорогой в дивный сад...*

— Как вы хорошо поёте! — успела воскликнуть Лиза.

— В ресторане петь нужно то, что хочет слышать публика. А что тогда хотела публика в ресторане: “Владимирский централ, ветер северный...” Хорошая песня. Но я — боевой офицер. И вот пою, и так ясно, сильно, по душе когтями: там ребята кровь проливали, ни дней, ни ночей! Помню, подлетаем на вертолёте, а внизу мои бойцы в огне мечутся. Горят, тринадцать человек! Ничего не сделаешь, смотришь сверху, а вертолёт только “ры-ры-ры” кругами, спикировать не может. Сели, давай тушить, а всё уже... И запах горелого мяса. Обычный запах. Я потом на мясо года два смотреть не мог. А я воспеваю того, кто банковал... Директором ресторана был друг. Тоже спецназ, тоже поющий. Со мной рядом пел. Свои песни, бард. Выехал ночью, после ресторана. На лежащем полицейском приостановился, и его как бы прохожий расстрелял в упор прямо за рулём... Схоронил его, вышел ночью, стою, думаю, а не поспешить ли за ним, за отцом, за ними, всеми невинно убиенными, какой смысл так жить? И вдруг месяц над головой. Ясный, как вырезанный. И тогда, в порту, когда афганец-душман, — а он был душманом, хотя работал в аэропорту, — дал мне конфетку, тоже на небе был ясный месяц. И нашло ясное понимание: те, кто воевал против нас, воевали не против нас, а против чего-то очень вредоносного в нас, против того, с чем самим бы надо воевать... Они — друзья, а враг — непрост и многолик, он изопрённо делает из нас, людей, нелюдей...

— А разве нужно обязательно воевать? Есть воздействие воспитанием, культурой?

— Я этого не отрицаю. Советский Союз этим умело пользовался. Доктрина чистого Ислама, по существу, близка его идеологии. Бытие определяет сознание. Только коммунисты из бытия изъяли Бога. А Бог — Аллах — есть начало бытия. И каждому народу было дано его откровение, только народы забыли или потеряли его, как евреи — скрижали Завета, а Мухаммед и арабы сохранили. Только чистый ислам, который во спасение мира был возвращён арабам стараниями Абдуль Ваххаба, может установить мир и порядок на постсоветском пространстве. Но нельзя и отрицать воздействия и этого инструмента, — в его руках теперь был автомат.

— Настоящий?

— Нет, нет, что ты, это муляж, игрушка, иначе наш портал мгновенно закроют.

— Да, да, я знаю, Марк Самуилович говорил. Весь мировой интернет-ресурс размещён на платах, которые находятся в Штатах и частично в Западной Европе.

— Марк Самуилович правильно говорил! — Он убрал “игрушку” из видимости экрана. Смотрел опять — продолжительно, так, что взгляд проник в грудь, расходился немотой по телу.

— А в ресторане ты пел, — перешла Лизы на “ты”, — “Я хочу быть с тобой...” — легко напела она.

Он показал рукой, чтобы она продолжала. Снова взял гитару и подыграл:

— Я так хочу быть с тобой... — продолжила она. — И я буду с тобой...

У них получилось слаженно, хорошо: он играл, она пела — на двух концах связи! Оба рассмеялись, радуясь этой возможности подхватить в музыке один другого, стать заодно.

— Да ты талант! — похвалил мужчину. — А теперь послушай песню человека, который поёт не для людей. А для Всевышнего!

Идрис сбросил снотку на адрес сайта. Певец с мужественным лицом, густыми сросшимися бровями и при этом чётко очерченными чувственными губами пел голосом, словно летящим из ущелий:

*Но недалёк уже тот день,
Когда без жалости и страха
В страну, где правит иудей,
Придут воители Аллаха...*

Странно: Идрис был ярко выраженным славянином, а этот бард, Тимур, явным уроженцем Востока, но они казались очень похожими: молодыми царями!

*И будет страшен этот бой,
А гибель и для нас награда,
Шахид небесною тропой
Придёт к обители Аллаха...*

Лиза снова вызвала Идриса:

— Что нужно, чтобы принять Ислам? — не терпелось ей.

Идрис опять продолжительно посмотрел с этой его способностью заглядывать внутрь.

— Вера, — просто улыбнулся он.

Склонился к гитаре. Особой изящной выделки пальцы жёстко ущипнули струны: звук стаял, словно прокричала птица в ночи.

— Только мусульманин может быть счастливым человеком!

Мужчина с венчиком вокруг головы снова смотрел на неё с улыбкой, а глаза лучились, теплились.

— Пробьёт миг, — продолжил Идрис, — когда из души твоей запросятся слова шахады: “Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед — Его раб и Его посланник”.

— Мне кажется, что они у меня просятся сейчас. — Она запомнила эти слова сразу. — “Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммед — Его раб и Его посланник”.

— Их нужно произнести на арабском.

— Я не знаю арабского.

— Многие мусульмане не говорят на арабском. Но слова шахады известны каждому: “Ашхаду алла иляха илля аллах, уа ашхаду инна Мухаммадан расуль алл”.

Тонкие пальцы Идриса шли перебором по струнам: вязь звуков сливалась в восточную успокаивающую мелодию, уносила туда, где шёл караван, палило солнце, и всё было неторопливым, мерным, вечным...

Внизу, в гостиной, Лиза высвободилась от переполнявших чувств за клавишами пианино. Музыка заполняла пространство. Она даже не отдавала себе отчёт, что играет, только мысленно повторяла, что верит, и как же можно не верить, если такой удивительный человек, который прошёл такой тяжёлый путь, обрёл истину в Исламе?!

Она никогда не считала себя способной к кулинарному искусству, да и к пище была почти равнодушна: ей чашку кофе с долькой шоколада, и сыта. Но хотелось сделать угодное — Лиза не могла точно сказать, кому, — просто тому, высшему, что придаёт жизни порядок и смысл. Поэтому она не готовила пищу, она священнодействовала, касаясь сокровенного знания, дарованного Идрисом.

Она перебрала несколько его рецептов мусульманской кухни: плов, шашлык, манты — это было везде, в каждом кафе у набережной. Остановилась на блюде под названием “кус-кус”. Как оказалось, кус-кус был всего лишь кашей из манки, пшёнки и муки с добавлением масла. Но подавался кус-кус и с мясом, и с рыбой, орехами и фруктами. Она прочитала несколько раз рецепт, закрыла глаза, всё представила и начала.

Скатывала манку, обрызгивая водой, подсыпала муку, поливала оливковым маслом, добавляла пшена, снова кружила пальцами, ощущая скатывающиеся шарики. Тушила баранину с луком, корицей, миндалём... Запах расходился по дому божественный! Всё оставила доходить до готовности под полотенцами.

Съездила в садики за детьми: решила проверить своё угощение на дочках, а потом уж давать на суд взрослым. Выложила на чашу кус-кус, сверху мясо, зелень — всё как положено. У девчонок глазенки забегали: что-то невиданное.

— “Кус-кус” называется, — поясняла Лиза, уверенная, что девчонкам понравится уже само название. Так и случилось. Все трое заулыбались. Старшая, Виктория, не торопилась, присматривалась. Средняя, Алёна, любопытная до всего, сразу выбрала крупный кусок мяса. А младшая, Селинка, смело загребла ложкой сам кус-кус и положила в рот.

— Гойко! — скривилась она.

— Господи, что это такое?! — некстати была на пороге свекровь. — Запах, как... Ты этим бешбармаком детей кормишь? Жирное, острое всё!

— Это кус-кус, а не бешбармак! — постаралась быть сдержанной Лиза.

— Хрен редьки не слаще! На водички, — кинулась бабушка с чашкой к внучке. — Да пойдём, выплонь всё!

У средней дочки мясо замерло на полпути ко рту. В растерянности переводила взгляд с бабушки на маму старшая.

— У татар насмотрелась, что ли? — продолжала отповедь бабушка. — Они к жирному от роду привычные!.. А у этих сейчас животы полопаются!..

— Думала, вам понравится.

— Да мне уж ничё не нравится. Отца выписывают. Лечить не берутся...

Лиза не то, чтобы забыла, что Павла Валерьевича увезли на “скорой”, но полагала, что не первый раз, обойдётся.

— Жить может только на искусственной почке. Аппарат такой, его подсоединяют, чистят. У нас в городе его нет, есть только в Симферополе. А чиститься надо два-три раза в неделю!

— Я могу возить, — вызвалась Лиза.

— Что ты, не знаешь Павла Валерьевича? Не станет он никого напрягать. Ездить ещё полбеды, всё денег стоит. Два-три месяца поездим, а дальше всё равно не потянем...

— А как тогда?

— Как, как...

Павел Валерьевич вернулся после единственной пробной чистки из симферопольской больницы таким, каким некогда и предстал Лизе, когда вошла в семью мужа.

— “Я люблю тебя, жизнь”, — неожиданно напевал он, как герой советских фильмов.

Его дюжие плечи расправлялись, и наполнилась рвущимися наружу силами грудь.

— Это что тут за персидские пряности?! — нашёл он в холодильнике почти нетронутые кулинарные изыски Лизы. — Божественно!

— Тебе же нельзя, нельзя ничего острого! — бросилась жена.

— Мне многое было нельзя, когда я был членом КПСС, — с философским оттенком декларировал Павел Валерьевич. — А теперь КПСС нет.

Но через два-три дня всё геройство потаяло, грудь спала, вылез живот. Он слёг, стало ясно: врачи не шутили, и приговор суров.

— Пап, деньги есть. По крайней мере, на первое время. Я на землю откладывал. Бог с ней, с землёй.

— Нет. У вас и ни у кого я ничего не возьму. Я знаю, где взять деньги. У меня есть квартира. То есть она у всех у нас есть: по существу, мы все её хозяева. И всем нам каждый месяц она приносит какую-то копеечку. Однако полагаю, что я имею моральное право распорядиться ей по своему усмотрению. — Павел Валерьевич посмотрел на сына, хотя тон его не подразумевал вопроса.

— О чём речь?! — встрепенулся Серый. — Это твоя квартира. Ну, ва-ша с мамой. Распоряжайся, как хочешь.

Павел Валерьевич, казалось бы, не спрашивал у сына разрешения. Но вот тот его дал, и отец, при всей болезненной тяжести, заговорил легче, с энтузиазмом даже и мечтательностью, неистребимой в его поколении:

— На эти деньги: А — я смогу оплачивать лечение минимум пять лет, Б — куплю хороший автомобиль, чтобы самому ездить в Симферополь. Скоростной. Полноприводный. Зимой, знаете ли, на трассе гололёд.

Было видно, что Павел Валерьевич всё хорошо, обстоятельно продумал и, как настоящий семьянин, обсудил с женой. Для убедительности он, не единожды успешно защищавший свои проекты, загибал поочередно пальцы:

— В — хватит на непредвиденные обстоятельства, которые, как вы понимаете, могут возникнуть в данной ситуации, несмотря ни на какие наши благие устремления.

Лиза была со всем согласна. И с предложением мужа, не жалевшего скопленные деньги для отца, и тем более с планом Павла Валерьевича. Только вот никто ни о чём не спрашивал её. Ни муж, будто Лиза ничего не значила в этих планах по строительству отдельного домика, их маленького семейного гнезда, ни свёкор, будто она не жила в той же квартире, не рожала и не приносила туда внуков. Нет, выходит, её в общей семейной жизни. Так, поставь, передвинь.

Квартира в центре ушла влёт. Павел Валерьевич всё сделал в согласии с планом. Купил десятилетнюю “Субару”, 4 WD, и летал на ней так, что стали ходить легенды о появившемся на трассе Феодосия-Симферополь “Шумахере”. При этом гонщик за рулём звонко, на всю степную и холмистую ширь пел: “Заправлены в планшеты космические карты!..”

Однако дома бывший научный сотрудник всё больше уходил в себя. И даже на ночь порой оставался в своей биндиге, куда втиснул односпальную кровать. Бренные дела — ремонт старой техники — оставил вовсе, продолжал международные матчевые встречи в шахматы и взялся писать. Не для печати, как объяснил сыну, а исключительно для своего потомства: сын родословной и трудовым героическим прошлым отцовского поколения особо не интересовался, а внучки, их дети, глядишь, и начнут. Время отсчитывает маятник — Павел Валерьевич для наглядности делал плавные колебательные движения рукой. При этом стоило Серому заглянуть в его казематы, спешно прятал литературный текст: на экране тотчас появлялась шахматная доска, а “гроссмейстер” в глубокой задумчивости мышкой начинал двигать фигуру, почему-то всегда крайнюю пешку.

Так было и на этот раз. Сын, возвращаясь с работы, прошёл к “капитанской рубке”. Прислонился к дверному косяку, специально давая отцу время, чтобы успеть щёлкнуть мышкой по крестик в углу монитора. И Павел Валерьевич сделал движение, картинка сменилась. Только вместо шахмат на экране появилось нечто совсем иное. Причём отец, оглядываясь на сына, этой картинке не видел, а Серому она открылась.

Фотографии юноши, смуглого, очень красивого, в разных обстоятельствах жизни чередой менялись на экране. Вот он белозубо улыбается, вот молится, держа ладони перед собой. Здесь вдруг на улице большого города, среди потока “белых” людей. Тоненький, хрупкий, страдающий. Затерянный. А здесь горы, скалы, он с автоматом в руках. Неожиданно мужественный, угрюмый. И вот... убит. Красные точки по телу от ран. Лицо проясняется, полнится абсолютным счастьем и словно тает, а от тела, как бы из груди отделяется заметное лёгкое облачко, плавно возносится ввысь...

Павел Валерьевич, поняв по взгляду сына, что за его спиной что-то не так, развернулся, вновь спешно щёлкнул по крестик в углу, пытаясь сменить картинку. Но вместо желанной шахматной доски с экрана смотрел другой чернявый юноша. И этот погибал. Также светел в последние мгновения был его лик, и возносилось облачко из груди — душа, — воздушная и лёгкая, туда, за пределы видимого. Музыка лилась ласкающая, нежная, парящая...

— Чепуха какая-то лезет, — пробормотал Павел Валерьевич.

— Ну да, — не стал спорить сын.

Хотя, как день ясно было, отец заглядывал в компьютер Лизы. И это на её экране разверзалось воспевающее гибель действие. Зачем ей?! Зачем ему?!

Дочки в гостиной собирали “лего”. Бросились, повисли на папе. Он прошёл с ними, волоча всех охапкой: одно многолапое существо.

Серый вместе с детьми разбирался с “лего”, думая, как подниматься и что говорить жене. И говорить ли вообще? Ну, смотрит странное видео, и что? Изменой, по крайней мере, здесь и не пахнет!

Отец появился в прихожей. В руках он держал маленький графин и фужер. Снял уличную обувь, надел тапочки. Размеренно, как всё, что он делал, стал подниматься на второй этаж. Не обернулся на сына, который провожал его взглядом.

Павел Валерьевич, как умный профессиональный начальник, не придавая вопрос огласке, пошёл лично уладить ситуацию. Тихо постучал в дверь. Три раза. Постоял. Постучал громче и, уже не дожидаясь, приоткрыл:

— Разрешите?

Лиза была в наушниках. А на экране менялись лица смуглых красивых юношей неславянской наружности, но сюжет оставался прежним: жив, убит, благой лик, что-то отделялось от изуродованного брэнного тела, лёгкое, облачное...

— Разрешите, — повторил он громче.

Лиза быстро сорвала наушники. Послышалась музыка. Воздушная, нежная. Умело смонтированная с кадрами, делающая смерть на экране красивой. Более того: желанной. Снова от тела, простреленного автоматной очередью, всплывало облако, и в гибели виделось высокое умиротворение, благоговейная сладость...

— А у меня вино созрело. — Павел Валерьевич в зрелости лет обнаружил в себе талант винодела. — Пришёл за дегустацией.

Свёкор с улыбкой наполнил до половины фужер, с улыбкой подал снохе: он любил её, как дочь, да и как её можно было не любить?!

Она оживилась, взяла вино, пригубила, забыв выйти из программы. Лиза очень уважала Павла Валерьевича. Он тихо перевёл взгляд на экран, не переставая улыбаться. Лиза спохватилась, спешно взялась за мышку, но Павел Валерьевич остановил её движением руки.

— Мне тоже это интересно.

— Да? — обрадовалась она.

— Я живу на грани того, что происходит там, — он кивнул на экран. — Но я, немолодой, больной, всеми силами сопротивляюсь, чтобы задержаться здесь. — Вновь кивком указал он место. — На этом свете.

— Это шахиды. Мученики, — спокойно пояснила Лиза. — У христиан тоже есть мученики. Их называют святыми.

Павел Валерьевич помолчал.

— Как вино? — улыбнулся он.

— Вкусное, — улыбнулась и она.

— В своё время, — продолжил с улыбкой свёкор, — я занимался фотографией, снимал камерой. Тогда всё было на плёнке, резали, монтировали фильмы. Скажу почти как профессионал: здесь всё продумано, очень хороший монтаж! Наложена музыка. Всё сделано, чтобы привлечь внимание молодого человека.

— А немолодого? Вы сказали, что вам интересно?

— Мне это интересно, как кино. Кино, которое смотришь ты. Смотрят другие молодые люди. Смерть в этом кино привлекательнее жизни. Молодому человеку так думать опасно.

— Почему? — спросила она с искренним удивлением.

— Захочется туда, в небытие.

— “Жизнь тела есть зло и ложь”, — считал Сократ. И выпил чашу с ядом. “Надо освободиться от жизни”, — говорил Будда.

Павел Валерьевич внимательно посмотрел на сноху: приходилось открывать неожиданные стороны.

— Ну да, ну да, “как посмотришь с холодным вниманьем вокруг”, жизнь “такая пустая и глупая шутка”... — процитировал и он великого человека.

— Только почему же в небытие?! В бытие, вечное. В райскую жизнь, если ты праведник. Мученик. А наша земная жизнь всё равно кончится!

Павел Валерьевич опять помолчал. Помигал, будто соринка попала.

— Ты считаешь, что мне не стоит носиться в больницу? Жить, зная, что ты приговорён?

— Приговорены все. Павел Валерьевич, я же не о вас, вы, конечно, живите, лечитесь. — Лиза подняла указательный палец вверх, мол, секунду, сейчас, взяла лежавший рядом телефон, пролистнула сообщения. Прочла вслух: — “Чем больше стареет человек, тем больше молодеют в нём два чувства: жажда к богатству и жажда жизни”, — улыбалась она, как улыбаются, когда открывают истину.

— “Жажда жизни” — да, трудно не согласиться. “Жажда к богатству” — разве в том смысле, что появляется страх. Страх, что ты не сумеешь больше зарабатывать на хлеб, а жить ещё надо. Страх болезней, когда требуется лекарства. А чьи это слова?

— Пророка Мухаммеда. Хадисы.

Павел Валерьевич оценивающе повёл головой.

— Обязательно лечитесь, живите! — Лиза пожала ему тыльную сторону ладони. Указала на экран, где продолжалось действо: — Вы же не шахид, не мученик. Чтобы стать мучеником, надо свершить подвиг!

Свёкор собирался с мыслями, медленно с немим вопросом распростирая руки.

— Это не кино. Это документ! — Лиза объясняла для неё очевидное: — Души шахидов забираются в вечную жизнь так же плавно и мягко, как вытекает вода из кувшина, — произнесла она, как по-писаному. — Они счастливы и чувствуют, что переместились в лучший из миров!

Лицо её сделалось озарённым. Павел Валерьевич любовался им, как принадлежностью действительно какого-то лучшего мира.

— Может быть, и так. Когда погиб наш старший сын, Дмитрий, Митя, тогда мне показалось, что я тоже видел, как из груди его что-то отделилось. Но я считал, что показалось.

— Он же погиб в Афганистане? Вы что, там были?

— Это мы говорим, что в Афганистане. Хотя, по существу, именно так: он ведь намного старше Сергея. Другого поколения. В Афганистан ушёл советский мальчик, идеалист. А вернулся... искалеченный человек. Наркоман. Я, к несчастью, тогда не понимал, что это болезнь. Считал, что он слаб!.. До сих пор эхом стоит мораль, которую я ему читал. Митя потерял равновесие на лестничном пролёте и концом перил пробил висок... — Павел Валерьевич чуть улыбнулся, из деликатности, чтобы не драматизировать разговор. — В сталинских домах перила обшивали деревом, а во времена экономии, которая должна быть экономной, железные перила даже перестали закруглять на площадках: концы торчат, и обязательно их ещё кто-нибудь загнёт... Богатыри! Сергею я морали не читаю. Да ему и не требуются.

На экране меж тем появился ещё один чернявый молодой человек, вихрастый, беспечный. Он вёл под уздцы верблюда.

— Хы-хы-хы, — вырвались у свёкра три раздельных смешка, — посмотри, как у этого верблюда губа торчит. — Павел Валерьевич и сам выпятил нижнюю губу: — Как у Марка Самуиловича...

Засмеялась и Лиза: в самом деле, верблюд смахивал на старого еврея. И смех такой у Лизы был, здешний, земной.

У горцев есть такой обычай: если где-то в пути мужчине и женщине, которые не являются супругами, приходится ночевать вместе, они кладут меж собой кинжал. Законная жена Лиза лежала на совместном брачном ложе явно особняком, растянувшись прямо на спине. И Сергей лежал так, руки по швам. Пространство меж ними отчётливо ощущалось межой, словно обозначенной кинжалом.

— Зачем тебе это? — заставил себя заговорить Сергей.

— Что? — будто не понимала она.

— Ты знаешь, о чём я.

— Не знаю.

— Картины смерти. Шахиды. Зачем ты это смотришь?!

— Тебе Павел Валерьевич сказал?

— Да нет, я сам видел. Компьютеры же зациклены.
— Не поняла?! — приподнялась она на локте. — Вы что, за мной следите?! У вас там, в биндогое, подсматривающий пульт управления?!
Он понял, что не надо было ему этого говорить. Да уж сказал.
— Никто не следит. Случайно вышло. Сеть же. Да и так, что я не видел, что ли, что ты там с ними... Прикальываешься.
— Прикальываюсь?!
— Да прикальвайся, сколько хочешь! Только эти... шахиды-то зачем?!
У меня аж, как увидел... Мне вот страшно стало!
— Чего тебе страшно?!
— Да... смотришь, и умереть охота.
— Тебе?!
Серому не лежалось. Встал. Прошёлся. Сел на кровать. Спина к Лизе.
— Влюбилась ты, однако!
Она тоже приподнялась.
— В кого?
— Видишь, — он усмехнулся, — спрашиваешь — в кого? А в кого ты ещё можешь влюбиться? У тебя вроде муж есть?
Она там, за спиной его, упала навзничь.
— В этого, в чалме. С гитарой, с автоматом! Мусульманина!
— Ты и про него знаешь?! — вспыхнула Лиза. — Да, влюбилась! Всецело, понимаешь! Кто ты в сравнении с ним?! Плоскогубцы! Вот с таким миром, — она отмерила ноготок. — А он — Вселенная! Я впервые почувствовала, что такое мужчина!
— Как это? Прямо через экран?!
— Через экран! Потому что он — душа, он мысль, он сила!
— То есть прямо там у тебя перед экраном оргазм?!
Тотчас пожалел, что так сказал. Он ведь и не говорил так никогда, и терпеть не мог, когда другие говорят.
— Именно! Оргазм! Только ты в этом ничего не понимаешь! Духовный оргазм. Ты даже не подозреваешь, что это такое! У меня с тобой и обычно-го никогда не было! Женщины рассказывают, хвалятся, а я трёх детей родила, а не знаю, что это! А ты даже никогда не спросил!
— Давай тогда откроем интернет, — схватил он ноутбук, — и начнём! Смотри на экран!
Он сунул ей ноутбук в руки, развернул, стал целовать. Сам чувствовал: зверь!
— Для этого мне ты не нужен!
Она резко высвободилась, откинула волосы за плечи. Стала открывать программу. Смуглый юноша улыбался с экрана. И вот он был уже прострелен автоматной очередью. Серый знал, что дальше станут проваливаться и растворяться черты лица, а потом собираться в лик с выражением счастья... Жена Лиза смотрела и светло плакала, закидывая голову назад. Верхняя губка её, лодочка, сердечко, колыхалась так, вздрагивала... Он смотрел обречённо, с тем чувством, что жена при нём занимается с кем-то любовью. Ролик менялся, всплывало другое лицо. И вдруг с экрана посмотрел взрослый мужчина с небесно-голубыми глазами. Лиза вздрогнула и даже призвала взглядом к своему восторгу мужа:
— Идрис! — выдохнула она.
А человек на экране, явственно отходя, промолвил со слабой улыбкой:
— Я не умираю, я становлюсь счастливым...
Как ноутбук оказался в руках Серого?! Он ещё с ним пометался, словно с взрывным устройством, запущенным в ход, и с силой, чтобы не достало осколками, швырнул в окно, которое обычно держали открытым... Он и швырнул. Но окно оказалось закрытым, и звон стекла сотряс ночное пространство именно подобно взрыву.
Он ещё победителем разворачивался к жене, а когда увидел, уловил — не женщину, а словно мираж, метнувшийся тенью. Сергей поздним взглядом видел, как Лиза вскочила на подоконник, голым локтем выбила остатки стекла и прыгнула. В одно мгновение. Была и нет. Только звон стекла

остался в ушах. Компьютер светился на бабушкиной грядке, а женщина внизи передвигалась к нему на четвереньках.

Серый сбегал по лестнице. Мама выглянула из своей спальни, напуганная спросонок:

— Что такое?!

— Спи, спи.

— А-а, а-а, — стонала Лиза.

Он бросился к ней, стал поднимать, полагая, что это она из-за боли, поранилась: на лице и руках её была кровь. Жена с силой оттолкнула его и взвыла. Зарыдала, склоняясь над экраном. Там, на экране, подёрнутом паутиной трещин, было мученическое лицо Идриса. Светлело, наполнилось благостью, покоем. Тело его, рельефное, красивое, лежало среди скал, в руке был зажат автомат, а из простреленной груди возносилось лёгкое облачко. Лилось и лилось воздушной рекой. Сладкая музыка востока неслась в ночи по огороду. Лиза теперь молчала, только смотрела. Так умиленно, что Серого прошибла слеза.

Он поднял её, понёс в дом вместе с ноутбуком. Дитя с любимой игрушкой.

Среди ночи Лизу словно вырвали из сна эти слова: “Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха... — Ашхаду алла иляха...” Наяву она уже вряд ли могла доподлинно повторить, но во сне точно произнесла их на арабском.

Муж спал, дрых: никакие потрясения не могли вывести его из рабочего ритма. Лиза поднялась, легко, быстро. Была совершенно выспавшаяся. Прошла в кабинет, включила стационарный компьютер. Слава Богу, тещь хоть ночью не может подсматривать за ней. А хотя бы и подсматривал!.. Слава Богу, последний разговор с Идрисом был сохранён! Слава Богу — повторила мысленно она ещё раз, вдруг поняв, что обращается не к тому Богу, на расиятье, а к другому. Пока ещё чётко не представляемому, какой он, но другому. Простреленному вдоль груди...

На сохранённом видео Идрис был ещё живой. Тогда, вчера ещё он и был живой! Улыбался, смотрел на неё... с обожанием. Грустно так смотрел, будто уже знал, что больше они не увидятся, не поговорят. Грустно и счастливо: он ведь знал, что скоро ждёт его.

Она скользила по записи, возвращалась, снова смотрела, всё проживая заново, то задыхаясь от слёз, то от неожиданного чувства блаженства: причастности к чему-то самому значительному в существе бытия. “А в небе голубом...” — ласково смотрел на неё Идрис: куда там всем известным певцам, вместе взятым! “Пускай ведёт звезда тебя дорогой в дивный сад...”. “Они ушли, они ушли в иные вечные пространства...” — подпевал другой голос, сильный, гордый.

На последней записи Идрис был совсем иным. Страдающим: “...те, кто воевал против нас, воевали не против нас, а против чего-то очень вредоносного в нас, против того, с чем мы самим бы надо воевать... Они — друзья, а враг — непрост и многолик, он изопрённо делает из нас, людей, неподей...”

“Ашхаду алла иляха илля аллах, уа ашхаду инна Мухаммадан расуль алл”. Она произнесла, вторя ему. С верой, которая, как предрекал Идрис, просилась из души.

Чуть светало. Лиза тихо вышла со двора дома, вера вела её...

Серому снился новый дом. Под “Маяком”, на мысе Ильи, у обрывистого высокого берега, с видом моря на две стороны. Дети бегали по пустынным, не обставленным ещё комнатам, резвились. Казалось, что они играют в догонялки. И только потом он заметил, что девочки оглядывались, будто кого-то искали. “Мама”, — позвала старшая. “Мама”, — вторила средняя. “Ма-ма” ... — младшая смотрела в окно, за которым простиралась морская даль. “Лиза!” — хватился и он жены!

С тем и проснулся. Опять один в супружеской постели. “Спозаранку к компу”, — понял дело Сергей. К мусульманину своему, откуда он такой, писаный, взялся?! Ну, а что с того? Это же всё игра! Тем более что его уже и нет! Это и плохо, что нет: теперь он останется навсегда. Таким, каким ей представлялся. С покойным мучеником не поспоришь...

Из разбитого окна приятно задувал ветер. Сергей медленно, преодолевая странную, будто вагон цемента разгрузил, ломоту в теле, поднялся. Оделся. Постоял у двери кабинета: ну, сидит она там, наверное, про этого хочет узнать, подробности, и что?! Что ей сказать?! Серый сделал пару шагов вниз по лестнице. Остановился: замер. Да ведь нет же там никого, в кабинете. Мертво. Нет её там!..

Он метнулся в детскую: дочки спали. Сбежал вниз, на кухню, во двор. Машина на месте. В мастерскую отца: мало ли, пошла разделаться с “подсматривающим пультом управления”?! Нигде.

“Абонент не доступен или находится вне зоны действия сети”, — прозвучал ответ в трубке телефона.

— Лизу не видела? — заглянул Серый на кухню.

— Здорово ночевали! — развела руки мать. — Вы же до утра манифестировали!

Вернулся в свою спальню. Посидел на кровати. Ещё раз нажал клавишу вызова в телефоне: “Абонент недоступен или...”. Подошёл к окну с пустыми проёмами. Посмотрел на грядки внизу, на дорожку. Вверх посмотрел, над воротами. В небо.

Сел в кабинете к компьютеру. Набрал в поисковике имя жены в одной социальной сети, другой. “Страница удалена”, “страница удалена...”

Вёл машину полуслепо: кто-то рядом посигналил, кто-то на перекрёстке повертел пальцем у виска. Приехал на стройку, под “Маяк”. “Кирпич”, “цемент...” — говорил помощник Олежка. Начальник кивал, старался отвечать впопад.

— Ты кого-то знаешь из мусульман? — нащупал, наконец, нужную тему Серый.

— Так полно знаю. И ты знаешь, помнишь, Эльсан Исламов, в борьбу и в карате вместе ходили. Он же такой сейчас правоверный. А что?

— Лиза ушла.

— От тебя?!

— Не знаю. Проснулся — её нет.

— А при чём здесь мусульмане?

— Да я ж тебе говорил, в интернете она с ними стала... ну, общаться. Особенно с одним.

— К нему ушла?

— Да нет, его убили...

Олежка только руками развёл.

— Короче, — пытался разъяснить, сам ничего не понимая, Сергей, — она увлеклась мусульманской религией.

— Сейчас позвоню Эльсану. Да его найти — нечего делать. Он же секцию ведёт в “Тайфуне”. Я иногда хожу, шлифуюсь. Тебе бы тоже надо, а то кожа да кости. — Олег нанёс имитирующий удар в область живота.

И начальник принял стойку. Так, шуточно, со смехом, они побоксировали на высоком берегу.

— Только прикинь, как ему всё это более вразумительно объяснить, — предупредил прораб. — А то ведь чепуха получается...

Олежка не оставил друга одного в переживаниях. Отправились вместе. Эльсан в спортивном зале отрабатывал с подростками каты. Вызвал из строя одного из учеников, передал бразды правления. Приблизился.

— Бойца тебе привёл! — широко взмахнул рукой, здороваясь, Олег.

— Х-хороший б-боец.

Сергей немножко опешил: Эльсан помнился ему немногословным, но никак не заикой. Подвижный улыбчивый узловато-мускулистый борец лёгкого веса, который ещё в юности выполнил КМС. Потом, правда, уезжал. Говорили, воевал где-то. Теперь казался заторможенным, слушал внимательно. Попросил деликатно, если можно, подождать: спортзал, видимо, был не подходящим местом для разговоров. Заговорил точными выверенными формулами:

— Е-если жена С-сергея приняла ислам, это её п-право. Согласно Корану, м-мусульманка не может выходить замуж за христианина или иудея.

Но никто не будет требовать, чтобы она ушла от м-мужа на том основании, что он х-христианин: нельзя не считаться с обстоятельствами в-времени.

Головин кивал, а задним умом думал: почему Эльсан стал так заметно заикаться? Что это? Травма была? Или вера так действует? Скорее всего, контузило? Он ведь родом откуда-то с Кавказа...

Эльсан, как выяснилось, служил ещё и в мечети: помогал безвозмездно, как это часто делают люди сирые и душевные.

Приостановились у входа. В мечеть направлялась одетая в хиджаб девушка, явно славянка. Эльсан, уловив взгляд Сергея, пояснял, что среди мусульман русских становится всё больше. Но Лизы, жены Сергея, он не замечал. Что касается сайтов интернета, именем мусульман или именем христиан могут прикрываться посланцы Иблиса — Сатаны.

— Христиане-неговисты, — подхватил Олег, — открыто проводят службы в кинотеатре “Пионер”, но это никакого отношения не имеет к Православной Церкви. А есть еще Аум Синрикё, которая также относит себя к христианству, между тем это террористическая организация!

Эльсан кивал в согласии, понимая, что друга интересуют не тема как таковая, а конкретный вопрос.

— П-п-попробую у-узнать, где может б-быть твоя жена.

— Так, — вдруг просиял Олежка: — Она с детьми ушла?

— Нет, дети дома.

— Тогда чего ты гоношишься?! Придёт, куда она денется?! Мать же! Езжай домой и жди. Она, поди, уж там.

Мобильник из руки Серый не выпускал. Посмотрел на дисплей: позвонить матери? Отцу? Нет, что их, стариков, дёргать?! Да и сами бы они позвонили, сами бы... Ещё раз отправил вызов жене. Теперь вместо сообщения о “вне зоны” последовало: “Этот вид связи недоступен абоненту”, — заблокировала она его номер, что ли? Значит, жива-здорова...

Заходил во двор и почти верил, что жена, как Олежка сказал, вернулась, сидит себе у “компа” этого долбаного, да и пусть — лишь бы была! Виртуальный мир, он, как мечты, что к нему ревновать?

Отец показался из “капитанской рубке”, встал к “штурвалу” и, как повелось, помахал рукой на манер военачальника, принимающего парад. Сыну было не до шуток, но, по принятому обычаю, он отмаршировал вдоль дома строевым шагом. Мама, слава Богу, была на работе, а то бы замучился объяснять. Картинки висели на стенах гостиной. Акварельки — Лизина душа. Стена Генуэзской крепости. Камни в морской воде. Странно... Из камней не то складывался, не то рассыпался на части силуэт мужчины. Никогда прежде этого не замечал: камни да камни, в бликах... Распавшийся атлет...

Поднялся, медленно ступая, прислушиваясь, нет ли этого “чик, чик” — привычного перестука клавиатуры. Никого — ни в кабинете, ни в спальней.

— Стекольщика вызывать? — в дверях стоял отец. Кивнул на разбитое окно. Остатки стекла зловеще торчали из рамы. Как она пролетела в узкое пространство меж кривых, будто сабли янычар, острых осколков? Птица...

— Или сам справишься? — отец ждал ответа.

— Вызывай, — ответил сын: не до стекла ему было, чтоб вставлять.

Да не будет отец никого вызывать: всё сделает сам.

— Возьми, — протянул Павел Валерьевич сложенный пополам лист бумаги.

— Что это?

— Шпаргалка.

Сергей развернул листок: на нём рядом были выписаны электронные адреса. Вопросительно посмотрел на отца.

— По местам боевой славы. Страницы интернета, которые в последнее время посещала твоя жена.

Сын кивнул как бы в знак благодарности, сунул “шпаргалку” в карман.

— Да придёт она, куда денется...

Павел Валерьевич втянул голову в плечи и развёл руками на манер соседа-еврея.

Серый сам забрал детей из садиков. Без машины. Наконец, он мог никуда не торопиться. Дела переложил на Олега.

Младшая, Селинка, вытянув верх ручки, спросилась “на коньку”.

— Ехать замечательно, на плечах на папиных, — тотчас пропела средняя, Алёнка.

— Доставать макушкой до сигнала стоп! — пели уже вместе со старшей.

И Селинка пыталась подтянуть: “засмеятельно”...

Двигались не в сторону дома — по улице вверх, а вниз — к морю. Море умиротворяет. Три лебедя плавали у набережной. Это были ещё те, прилетевшие со стаей на зимовку прошлой поздней осенью. Самка поранила крыло; когда стая улетела, самец остался с ней: говорят же, лебединая верность. Третий — народившийся здесь детёныш, который к весенней миграции пока не окреп. К следующему лету он улетит в стаю, оставив родителей одних, если, конечно, не залечится больное крыло лебедя-мамы, и тогда все вместе отправятся в положенный маршрут.

Люди на берегу кормили белых птиц, которые предельно доверчиво брали кусочки лакомств почти из рук. “Папа, папа”, — загадели дочки, тоже захотев угостить лебедей. Серый сбегал в ближайшую палатку, накупил сухариков, которые вообще-то никогда не брал, но сейчас... Девчонки бросали хлебное крошево, птицы ловили их на лету, иногда промахивались клювами в воздухе, но тотчас выхватывали из воды.

Какие же они были разные, его дочки. В садике обе старшие девочки занимались художественной гимнастикой. И на берегу Вика вела себя, как на выступлении: откинута плечи, каждый шаг с оттянутым носочком и вывернутой ступней. И любой поворот головы — с приподнятым подбородком, с идущим вперёд плечом. Мамина гордость проглядывала в Виктории, что называется, в каждой жилочке. Средняя, Алёнка, тоже умела делать шпагат, мостик, но в жизни была моторной, предельно резвой, постоянно разбивала колени, лоб, не заботясь, как все это выглядит. А младшая Селинка — вот кинула сухарик, — и задумалась. Да так, что будто и нет никого. Даль только там, где-то. И это было в Лизе — мгновения внезапной отрешённости ему очень в жене нравились. Лицо такое светлое делается, благое!

Отец легко пробежал ладонью по затылку задумавшейся дочери, — мол, чего ты, лепота вокруг! Алёнка прижалась к нему, хихикнула вдруг: флотилия уток приблизилась к лебедям, разыгралось сражение! Большие белые птицы властвовали в воздухе, а на воде неказистые серенькие утки брали числом и напором, успевая урвать кусок, что называется, перед носом лебедя. Скоро, однако, внимание берега переместилось к его дочкам. Виктория долго не могла, чтобы не повторить одно из гимнастических упражнений: подняла над головой ногу, удерживая её рукой. У Алёнки это упражнение не задалось, и она пошла колесом. Началось маленькое состязание. И Селинка тянула ножки в шапугате. Можно идти с шапкой по кругу!

В эти дни Сергею Головину открылся мир, ради которого он жил, крайне любил, но, по существу, не знал: мир его детей! Он любил потрепать дочек по волосам, посадить на колени, подарить подарок, даже собрать вместе “лего”. Но не предполагал, что дочки — очень взрослые люди! И за каждой — своё человеческое пространство, столь же ощутимый мир, как ощутимы свежий воздух, дуновение моря, солнечные лучи. Дети удивляли, причём они словно разделяли меж собой время и дни, когда кто-то из них начинал копировать, особенно выивляя себя. Так, он был уверен, что старшая — больше в маму. Такая же породистая, умная. Рано научилась читать, а вот счёт не шёл: мама ведь тоже в магазине порой путалась с расчётом. Уже осознавала свою красоту, любила манерничать перед зеркалом на пример рекламных див. Средняя же, Алёнка, тоже красивая, хотя и лицом более простонародная, ему казалось, в бабушку: с зарядом на три оборота! Но без царя в голове: всё разбрасывала, руки и ноги у кукол как-то сразу отлетали. Читать получалось, но раздельными слогами. Причём ей было всё равно, как держит книгу — кверху ногами даже лучше получалось. Буквы не все в торопливости своей не выговаривала. Зато с цифрами была сразу в ладу: от него, отца, тоже должно что-то быть!

Младшая Селинка, на него похожая, как считали, после рождения долго не подавала ни звука, так, что родители и дед с бабушкой пугались — не родилась ли немая? В ладоши хлопали у её уха, песни пели. Не поймёшь. Так и молчала долго, была очень тормозной, где-то в себе. А потом заговорила чисто и почти всё. Обнаруживала какой-то своеобразный ум. Неожиданный.

Так, у обочины вновь стоял куцый “Смарт”.

— Опять эта маленькая машина! — воскликнула первой моторная Алёна.

А младшая Селинка, пройдя шагов пять, озадачила вопросом:

— Папа, а маленькие машины растут?

И такое неожиданное напряжение, заинтересованность почувствовал папа во всех трёх дочерях. Вика как старшая и умудрённая чуть усмехнулась, а в глазах-то сомнение и ожидание: а вдруг?! И в Алёнке шла какая-то серьёзная, до выпученных глаз работа. Действительно, несправедливо же оставаться машине маленькой?!

— А как ты думаешь?

— Думаю, что маленькие растут. — Селинка пошла впереди. Через несколько шажков продолжила: — А большие не растут.

Папа и сёстры шли следом. Младшая приостановилась:

— Папа, а ты знаешь, почему большие не растут?

— Почему?

— Потому что они станут великанами!

Самое интересное: старшие на неё смотрели с признанием — вот, мол, голова! Он где-то слышал или читал — ребёнок во время родительских конфликтов взрослеет быстро. Взял он как-то детей на стройку. Ничего не рассказывал про мыс Ильи, про экологию, но младшенькая посмотрела с необжитого берега и глубокомысленно произнесла:

— Чистое море.

Ну, может, Сергей бабушке говорил, что море у мыса, где он строит, чистое? Но не ребёнку же?!

— Мыс Ильи, — также сосредоточенно, по-хозяйски, оглядывала маленькая Селинка землю вокруг.

— Мы будем здесь жить, — выдавала через периоды гранёные фразы Селина, наполняя их странным глубокомыслием.

И вдруг, будто и сон его знала:

— А где будет мама?

“Здесь, здесь же, с нами”, — чуть не вырвалось у него. Смолчал: детям врать нельзя. А как будет — не знал. Но более всего по отношению к этому вопросу поразила его Вика. Он, уверенный, что она, старшая, а значит, самая понимающая, переживает внутри себя более других, спросил её:

— Плохо без мамы?

— Мне по фиг, — скинула красиво подбородок шестилетняя дочь.

Иногда между сёстрами разыгрывались настоящие битвы. Средняя Алёна с виду была самой активной: внешне плотная, при этом гибкая. Она бросалась на старшую, не поделив какой-нибудь карандаш, кусок пространства. Вдруг получала жёсткие тычки — худоцавая Вика могла жёстко ударить кулачком. Не сдавалась и младшая, силёнок и роста не хватало, так линейку в руки или подушку! И гоняет старших под общий визг! Но ещё вопрос, от чего шума-гама больше, — от распри или внезапного прилива чувства сплочённости? Сёстры вместе пели, танцевали, играли в догонялки, прятки, устраивали спектакли, которые взрослые обязательно должны были смотреть! Дом уж точно шёл вверх дном!

Жена пропала и, что называется, ни слуху, ни духу. Серый решил обратиться в милицию. Пришёл, ступил на порог — на ступеньку крыльца, — нога просто одеревенела. Что он скажет? Жену соблазнили через интернет? Развернулся обратно. И снова встал. Ну, делать-то что-то надо! Опять шагнул к порогу. Да его за сумасшедшего примут! Ославят только на весь город! Сел в машину, с силой хлопнув дверцей.

Ехал по улице Федько, сразу за автовокзалом тормознул гаишник: на Украине ГАИ переименовали в ДАИ, но сотрудников всё равно все звали

гаишниками. Знакомый парень, Лёня, капитан: в юности он пел под гитару на дискотеке, тогда уже был раскаченным, а сейчас превратился в настоящего великана. Ванька-встанька такой на дороге! В Феодосии знакомых у любого гаишника полгорода, поэтому — нарушил, пусть друг, приятель, а платить придётся. Серый в последнее время ездил на автопилоте — рулил подсознательно, следуя, как приученный конь, по наезженным маршрутам. Стал нашаривать денежку, чтобы выложить без спора.

Гаишник Лёня шёл и лыбился во все хомячьи щёки.

— Анекдот про майданутых хочешь? — говорил он высоким звонким голосом, какой часто бывает именно у крупных людей. — Би-би-си на Майда-не спрашивает бомжа: “Вы за Януковича?! — Боже упаси. — Так вы за ассоциацию в Европу? — Та вы шо, боже упаси! — Так за кого вы всё-таки, за что?” А бомж стоит такой, в одной руке пол-литровый стакан кофе, в другой — гамбургер с полметра, вся борода в капусте: “А за то, чтоб эта сказка не кончалась!”

Лёня зашёлся смехом, сузив глазки, будто сам был тем счастливым бомжом. Похмыкал и Серый.

— У тебя плиточник хороший есть? — брал деловой тон капитан.

Пока Серый переключался на мысли о плиточнике, гаишник опять со смехом продолжил:

— Нанял одного, по рекомендации, всё, он половину ванной выложил и запил! Запойный, гад!

— Да они, плиточники, все запойные. А как не запойный, так руки от другого места растут! Всё вкривь и вкось положит. — Серый искренне заразился смехом.

— Ну, мне так, чтобы между запоями попасть. Ты же у своих-то ритм знаешь?!

— Найду.

Обменялись номерами телефонов. Серый помедлил с уходом: потянуло с Лёней, своимским этим парнем, поделиться своей бедой.

— У меня тоже проблема. Жена потерялась...

Человек-гора выслушал, вытянувшись, держа полосатый жезл концом вниз. Направился к патрульной машине, попросил по радиации пробить адрес владельца автомобиля, марку и номер которого помнил наизусть. Его напарник меж тем успевал останавливать очередную проезжающую машину.

— Кино, говоришь, насмотрелась, как мусульманки на “джипах” ездят? И у нас в городе есть одна. В этом самом ходит. — Он описал жезлом круг у лица, обозначая одежду. — Красавица! И “Мерс” у неё — обалденный! Проезжает, я честь отдаю! Невольно, рука сама — раз! — Он продемонстрировал, как отдаёт честь.

Капитан протянул вырванный из блокнота листок с записанными регистрационным номером автомобиля и адресом его владельца.

— Машина российская, рулит лихо, — Лёня симитировал движение вишневого пути. — Паркуется в Каменке.

В Каменку Серый решил, конечно, съездить, но сначала завернул на Строительную, где плиточник из его бригады завершал отделку кухни в квартире, купленной недавно москвичом. Направить парня доделать ванную гаишнику Лёне.

Переживания — переживаниями, а дела — делами. Надо было на “Маяк”. Слева мелькнула станция Айвазовского, справа — автовокзал. Подумалось, а почему все говорят: “Район автовокзала”, “район станции...”? Вот же, у дороги, православный храм. Красавец! Как он называется? К стыду своему — житель города! — не помнил... Детей крестил в Казанском соборе, свечку поставив потянет — туда же! Центр, удобно. Как-то надо бы зайти, узнать, как этот храм называется?

И вновь за рулём “улетал” — перебирал мысленно прошлое с Лизой: где, в чём дал промашку? Любила же она его, любила! По крайней мере, первые два года — опять эти два, про которые говорят, как про длительность химической реакции любви.

Стоял на Советской перед светофором, “джип” остановился напротив — по диагонали, на встречной полосе. “Мерседес”. Номер... российский. И женщина за рулём. Лицо в покрывах одежд. Точно ведь, как в том кино, — машина один в один! И номер, записанный Лёней!

Светофор мигнул зелёным, “Мерседес”, взяв с места хорошую скорость, пролетел мимо. Серому требовалось подождать, пока освободится встречка, сделал резкий разворот, рванул вдогонку. Он не любил экстремальной езды, но на этот раз придавливал гашетку, выкруливал, не теряя объект из виду, благо, “джип” возвышался над другими легковушками.

Женщина ехала, как обычно ездят на таких машинах, — споро, невзирая на лежачих полицейских, обгоняя и справа, по обочине, и выскакивая на встречную полосу. Куда они так летят? На Володарского, по прямой, как дунула, и на развилке с Симферопольским прямо ли ушла, влево ли? А у него уже красный на светофоре!

Сергей в сердцах ударил ладонями по рулю, впервые подумав, что надо, надо купить скоростную машину, лошадей под триста, и делать их, делать! Откуда у них деньги?! Он работает, работает, и дела идут вполне успешно, а не потянет на такой “Мерседес”! Разве что крепко подержанный, так обслуживай его потом!

Серый ещё сделал кружок, поехал по Керченскому шоссе, вдоль Берегового. И здесь всё скупали россияне: строили гостиницы, открывали рестораны. Недвижимость, говорят, уже процентов на пятьдесят в городе принадлежала россиянам, а гостиничный бизнес — так на все семьдесят! По Береговому не разгонишься: переход на переходе.

Развернулся, направился по прежнему маршруту: “Да лети они все, и она вместе с ними! Ушла — так ушла, дети с ним, чего ещё надо?!”

Дом на мысе Ильи вырос до крыши. Прораб Олежка смотрел вопросительно, и Серый в ответ покачал головой.

— Баба с возу, кобыле легче! — объявил строитель.

Начальник Сергей Головин теперь не задерживался на работе до ночи. Ему понравилось забирать из садика детей. Волнение какое-то нашло: если будет забирать не он сам, а бабушка или дедушка, что-то может выйти не так. Самому — оно и в удовольствие!

Подъезжал домой с оравой — “Лексус” белый поодаль ворот. Лебедь такой громадный на их захолустной улочке — почти сказочная невидаль! Дверца машины распахнулась, и на землю сошла, как воспринялось, чёрная птица в женском обличье. Лиза, жена! Да жена ли?.. Вроде как монахиня, только лицо в ободке платка. Но у монахинь одежды обычно грубые, балахоны. Лиза шла, и чёрное платье струилось по тонкому телу, полы раскидывались хвостом, и платок был с отделкой венчиком. Грациозная, хоть на подиум.

Дети должны бы рвануться к маме, но дочки сгрудились вокруг него. Даже маленькая Селина не проронила ни звука. Старшая чуть тронулась с места, он придержал её, также чуть. Вика всё-таки высвободилась, поднырнула под руку и пошла себе как ни в чём не бывало домой.

— Идите за ней, — сказал он младшим. И те пошли, взявшись за руки. Теперь Селинка оглянулась разочек, туда-сюда глазками, но Алёнка твёрдо потянула сестру вперёд, за ворота.

— Я пришла забрать младшую, — приблизилась Лиза.

— Почему только младшую?

— Потому что она ещё не крещена.

— Станет мусульманкой?!

— Да.

— Я уже окрестил её.

— Ты лжёшь. Ты живёшь по плану. Ты не мог вот так взять и окрестить.

Она была, конечно, права: он врал.

— Неужели ты можешь предположить, что я отдам ребёнка? Куда? Зачем? Вот её дом. И твой дом тоже!

— Хорошо. Я заберу всех.

— А на какие шиши, интересно, ты будешь их кормить? Или эти, — кивнул он сторону машины, — будут подкидывать? За какие услуги?

Она помолчала. Усмехнулась. Надменно:

— Я работаю. Занимаюсь важным делом, не чета твоему.

— Каким, если не секрет?

— Гуманитарная миссия. Мы идём в дом к сиротам, к больным, многодетным. К нуждающимся. Помогаем. Одеждой. Продовольствием. Выделяем гранты талантливым студентам.

— А откуда средства?! Их сначала нужно заработать!

— Есть богатые благородные эмиры. Они не могут войти в каждый дом, к каждому нуждающемуся человеку. Это делаем мы.

— А кто это — “мы”?

— Джамаат — община.

— Мои дети не нуждающиеся! Вы их не получите: ни всех, ни поодиночке!

— Я мать. Я имею право.

— Так и живи. Расти их. Что тебе мешает?!

— Я могу быть женой только мусульманина.

— И что ты предлагаешь? Мне принять ислам?

— Почему бы нет?

Ёкнуло сердце: а может, и правда? Всё равно в церковь не ходит, и в мечеть не пойдёт. Примет для острастки... И Лиза останется с ним!

— Ты с кем приехала? — Серый невольно бросал взгляды на тонированные стекла белого автомобиля.

— С другом.

— Вдвоём?!

— Вдвоём.

— А ты знаешь, что мусульманке запрещено оставаться наедине с чужим мужиком?! — припомнил Серый. — Позволительно только с мужем!

Из белого автомобиля вышел человек в белом костюме и белой чалме. Белый аист с человеческим смуглым лицом. Учтиво, едва уловим движением отвесил поклон. Как бы приглашая — туда. В мир с павлиньими перьями. Серый ещё раз глянул на человека возле машины: белки глаз, как у парнокопытных, подумалось, отливают белизной. Шейх, подо, какой-нибудь?!

— Я приехала с мужем, — мерно произнесла Лиза.

Его как током ударило, закоротило мозги:

— Как?.. Это?.. С... мужем?! Мы ж с тобой, вроде, пока не разведены?! Хе-хе-хе, — стал разбирать смех: икота какая-то, — так сказать, брак по-ваххабитски? — Он за эти дни напился соответствующей информацией.

— Ты глуп. И невежествен. Тебя нет на Земле. Ты лишь телесная оболочка. Без смысла. Я могу быть женой только мусульманина.

Серый смотрел на женщину и узнавал, и не узнавал её: верхняя губа, обычно плывущая навстречу лодочкой, вдруг совершенно сравнялась с нижней. Идеально пропорциональные губы. И покой такой в лице. Непробиваемый покой.

— Мои дети также должны воспитываться только в лоне ислама.

— Ну уж выкусите! — Серый с изумлением обнаружил в себе, в груди, в висках, во всём существе бунт, физически переполняющий прилив несокрушимости: крещёный он! Отец, хоть и был рьяным коммунистом, но закрыл глаза, когда бабушка крестила. На том простом основании, что и сам крещён, и дед, и прадед, века в их роду люди были крещёными! Тот парень вспомнился, солдат, который в плену принял жестокую казнь, отказавшись снять нательный крестик. Он, Сергей Головин, крещённый!

— Так и рожайте, — заговорил, делая ударенье на каждом слове, — со своим мужем! В лоне! Мои дети останутся со мной! Оболочка я или кто, а выращу их людьми! Селинку окрестим завтра же!

Он думал, что Лиза всё-таки не уйдёт. Ну, не должна же — мать! Но женщина в чёрных покровах развернулась и пошла. Божественная. Не его. Восточный мужчина раскрыл перед ней дверцу белого лайнера.

На семейном совете — отец детей Сергей, дедушка Паша, бабушка Дуся — детей решили пока в садик не водить. Мало ли? Подъедет мать со своими богатыми наставниками, заберут — одну, как хотела, или всех — и что потом? Пусть пока побудут дома, где — дедушка с ними, а когда ему в больницу, на чистку, бабушка или он, Сергей. Благо — сам распоряжается своим рабочим днём.

Селинку крестили в Иверском храме, что возле Генуэзской крепости. Олечка, который знал историю города, будто был свидетелем всех времён, разводил изумлённо руками:

— На карте Средневековья Генуэзская республика — вот такусенький округ Италии, — отмерял он в пространстве пару сантиметров. — Как они охватили владениями берега всего Средиземного моря! Крым-то для них вообще — как для нас Дальний Восток! Через моря, проливы, на веслах и парусах! Так ещё и воевать надо!

Через несколько шагов приостанавливался:

— А монголы как сюда дошли? Доскакали? Мамай-то вон там казну Золотой орды схоронил, — указывал на полосу моря. — Богатства его так на дне и лежат! Я в девяностые в акваланге нырял: почти нашёл! Кувшины поднимал, меч римский, короткий. Сундук нащупывал, только поднять как? Выхожу на берег. Подходит человек, показывает удостоверение: полковник УСБ. Говорит, будешь искать, оттуда не выплывешь. И дальше то, что меня до сих пор изумляет, говорит: “Это наш стратегический запас”. То есть они её давно нашли, казну Мамаю, и не берут до поры до времени.

Олечка, понятно, мог и присочинить, причём так, что был уверен в своих словах. Евдокия Семёновна по привычке к недовольству, какую приобрела в страховых агентах (или по возрасту), заворчала в ответ, почему ребёнка, мол, решили здесь крестить — здесь же раньше были армянские церкви. Для Олега — какого рожна он работает на стройке, ему бы в лекторы, — что называется, пробил час. Держал он речь, возвышаясь над другими и вскидывая длань:

— Храм Иверской иконы Божьей матери прежде носил имя Иоанна Предтечи. В этом храме перед путешествием за три моря молился Афанасий Никитин, коему памятник теперь стоит на церковном подворье, у выхода к морю. Именно здесь, у стены крепости, в каньоне, веками располагался один из центров мировой работорговли.

Вокруг родственников и друзей, ожидавших начала обряда крещения, толпились слушатели, уверенные, что перед ними экскурсовод. Олечка высоко поднимал руку, указывая места, где торговали невольниками, в основном, захваченными в славянских землях. Мужчинами, большинками из которых становились гребцами, прикованными к вёслам на военных и торговых судах. Мальчишками, пополнявшими ряды османских воинов: армия янычар, обращённых в ислам, набиралась исключительно из славян. Юных дев — отсюда, вот она, здесь ступала, — была продана в рабство пятнадцатилетняя славянская девушка Настя, будущая правительница Османской империи, ставшая известной в истории как Роксолана. Она, дочь сельского священника, обращённая в магометанство, прослыла непревзойдённой красавицей, знатоком и покровительницей искусств, образованнейшей женщиной своего времени...

Серый вздрогнул на этих словах. Он отдалённо слышал про судьбу Роксоланы, но только сейчас внял тому, что прежде, чем стать султаншей, та приняла ислам. А чем Лиза — не Роксолана?

— Времена менялись, но всё повторялось. Работорговле в Крыму положила конец другая талантливая женщина, урождённая католичка, принявшая Православие и ставшая повелительницей России. Когда захват людей принял глобальные размеры, — южные губернии ежегодно теряли десятки тысяч молодых, сильных, лучших подданных Российской империи — Екатерина Вторая направила в Крым сорокатысячную армию под командованием Василия Долгорукова, впоследствии прозванного Долгоруковым-Крымским. Стотысячное объединённое войско османов и крымского хана, выдвинувшееся защищать свой прибыльный бизнес, было наголову разбито!

Сколько их, русских солдатешек, в кровопролитных боях полегло у стен древнейшей Феодосии, на ту пору Кафы?!

“Работорговля исчезала, но ведь она возрождается, — думал Серый, — на иной лад, без набегов и оружия, уводят людей, сильных мужчин, красивых женщин... Уводят — по их доброй воле, а то и страстному желанию!.. Да и тогда, в старые времена, так ли уж всё происходило вопреки желанию? А сказки откуда? “Прилетел Змей-Горыныч, унёс в жаркие страны, и стала девица, опоенная зельем, жить в саду райском...”

Подъехал гаишник Лёня. Машину с мигалками оставил у ворот храма, шёл пешком, и земля, казалось, колыхалась под ним. Лоснился в улыбке — блин-блином, масляный, с пылу с жару! На Лёне возлежала важная миссия — стать восприемником и после обряда — крёстным.

Восприемник Лёня с Селиной на руках, кажется, занял всё невеликое пространство храма, остальные люди чудом лепились вокруг. Восприемницей была Ирина, жена Олега: даже со спины видно, как она переполнена жизненных сил, ожидая своего важного часа — момента омовения, после которого ей и надлежит принять на руки, а вместе с тем и всю духовную ответственность за ребёнка как крёстной матери.

Павел Валерьевич не был в церкви, похоже, со времени собственных крестин. Вся жизнь. Но всё здесь ему было знакомо. Царские врата, которые могут отворять только иерей или диакон и только во время богослужения: все знания из великой русской литературы, которую в студенческие годы поглощал собраниями сочинений! А вот в алтарь во время службы простым смертным также вход закрыт, но особо почитаемые в обществе люди здесь находиться могут. Хоть тресни, хоть лопни, Павел Валерьевич, человек строго советской формации — совок, воспитанный на идее равноправия, — не принимал этого, не принимает и не примет! Да ведь нет же ни эльфина, ни иудея перед Богом?!

У священника была редкая клочковатая борода, а ямочки на щеках улыбались даже тогда, когда он в значимости момента хмурил брови. “Старый ребёнок”, — вспомнил Павел Валерьевич одну из транскрипций имени Лао Цзы, древнего китайского мыслителя, на которого — каким его принято изображать — удивительно был похож приходской батюшка.

Священник, оставив трёхлетнюю Селинку в длинной белой ночной сорочке, окроплял водой из купели голову и омывал лицо со словами:

— Крещается раба Божья...

А девочка — Павел Валерьевич это почувствовал, как разряд электричества, — так стрельнула глазами, будто вдруг опустело вокруг. “Мама! Мама!..” — кричал её взгляд. Маму девочка искала, хотя и папа был здесь, и сестрёнки, и бабушка, и... На нём, дедушке, взгляд и остановился, сверкнул — родное, опора!

Павел Валерьевич едва удержался на ногах: и радостно, и такая слабость... Жалость невероятная: вот она, над купелью, в начале своего земного бытия — столько в ней жажды жизни и ожидания чего-то сверхвозможного! А сколько сложностей предстоит, борьбы, разочарований, разлук, предательств?! Но и радости, побед... А жизнь пролетит, как промелькнула у него!словно так и не начал жить, всё приноравливался, всё думал: вот-вот, главное будет завтра! Разбежался, а тебе уж двери открывают, на выход, говорят! И все они, собравшиеся на крестины в храме, молодые и здоровые, пока и не подозревают, насколько быстротечна жизнь. Между крестинами внучки и крестинами деда — миг...

Батюшка передал новообращённую в руки восприемницы — теперь уже крёстной Ирины. Надевал крестик, а восприемник Лёня своими невероятными ручищами помогал оборачивать в простынку. У всех троих были ямочки на щеках! Да какой у троих? Четверых — у Селинки тоже ямочки на щеках! Вишь, как подобрались!

Вместе с внучкой крестили грудного младенца — мальчика, который кричал до спазм и вырывался из рук юной восприемницы. Батюшка, приблизившись, в сердобольном порыве стал совершеннейшим “старым ребёнком”

и вдруг потряс перед глазами беспокойного малыша сосудом с елеем, как погремушкой. Спихватился, что отошёл от канона, в строгости сделал губы трубочкой, обмакнул в елей кисточку, трижды крестообразно помазал младенца: — Помазуете раб Божий... во исцеление души и тела....

“Стручец” — всплыло в памяти название этой кисточки. “Стручец” — память уносила обратным потоком туда, в сибирское детство, когда все эти названия знали и где он был крещён и так же голосил, настаивал на праве жить по воле своей! Да и сейчас, это не чужого малыша крестят, а его и крестят... Его, Павлика, крестят, а он тут же стоит, одной ногой там, откуда не возвращаются... Из точки в точку.

После обряда крещения у врат храма жизнерадостный народ рвал друг друга из объятий, вдруг обнаружив, что Ира, жена Олежки, а значит, и сам Олег теперь стали как бы родственниками Сергею! Гаишник Лёня — тоже кум! И между собой они все кумовья! Селинка всех породила!

Дальше новой родне и приглашённым друзьям надлежало отправиться в кафе на набережной. Павел Валерьевич тоже собирался — специально накануне сгонял на чистку в больницу, — но так что-то тяжко стало, причём не то, чтобы физически, ногам, рукам, а тому, что внутри где-то. Такая очевидная собственная непригодность для праздника давала о себе знать! Перед старшей внучке телефон с камерой, попросил, чтобы всё снимала.

“Субару” его стояла за воротами подворья храма. Прошагал, не оповещая родню: освободил от себя! Какой людям праздник, когда полумёртвый рядом?! Сел в машину, тронулся, выворачивая руль.

Взгляд скользнул по двум красивым “джипам”, стоявшим чуть поодаль от обочины, на взгорье, по диагонали к дороге. Чёрный и белый, отливая одинаково тонированными стёклами. Белую машину он уже видел у своего дома. Тогда ещё сердце ёкнуло. И сейчас остро кольнуло. Ну, да его, сердце, теперь уж без всякой причины словно змий сосёт...

Кумовья подходили к машине с мигалкой. Лёня толкнул Серого локтем, указывая на стоящие неподалеку “джипы”: “Вот она”. При этом великан отвесил почтительный поклон.

Женщина в чёрном стояла у чёрной машины. В белой, подумал Сергей, наверняка Лиза с этим большеглазым “принцем”.

Мусульманка что-то протягивала в руке. Он приблизился.

— А-акрестили, — сказала с горным эхом в голосе.

Серый промолчал: его не спрашивали, знали.

— Па-ра-авильно.

Он кивнул, мол, само собой.

— Ей на-а сердце легче.

Ему нечего было добавить: легче, значит, легче. Взял поданные корочки. Свидетельство о разводе.

— Как?! — растерялся он. — Я же не давал согласия! Это же только через суд можно, у нас же дети!

Теперь промолчала она. И такой покой в лице, непроницаемость. И ещё что-то во взгляде — будто он микроб.

— Она там? — показал кивком Серый на белую машину.

— Нет. Она да-алеко.

— Где?

— Тебе туда пути нет.

— А если я приму ислам?

Она мгновение помолчала. Ответила резко, с нескрываемым пренебрежением:

— Нэ-э примешь!

Круто развернулась, открыла дверцу автомобиля. Встала на подножку, туфелька открылась из-под длинного платья: на высоком каблуке-шипильке, с золочёным рантиком.

Свидетельство пошло по рукам — открыл большими лапищами, посмотрел Лёня, взяла Ира, Олег. Лица каждого одинаково забавно вытягивались. Потянулась старшая, Вика, но Серый выхватил у неё, сунул в карман:

— Всё, поехали! У нас крестины!

— Баба с возу... — хлопнул по плечу Лёня, обращаясь к народной мудрости, как уже это делал Олежек.

— Без плеча оставишь! — просел Серый.

Замелькали огни на автомобиле с мигалкой. “Шьюу-шьюу-шьюу”, — крестный вёз новообращённую по городу с сиреной, разгоняя по обочинам попутные и встречные машины — хорошо иметь гаишника в родне!

Павлу Валерьевичу уютно было в своём “склепе”, как стал он именовать мастерскую. Хорошо одному, без людей, даже любящих его и любимых. Устроился поудобнее в мягком свободном кресле, включил компьютер, открылось окошечко — в мир большой, необъятный. В небытие, отражающее бытие. Выходило, что невольно, подсознательно “замуровывал” себя, готовил к уходу. А как если и реальная черта, кончина, это всего лишь уход за окошечко? В своеобразный интернет, где есть окошечко в обратную сторону, на Землю?

Может быть, видео про шахидов, как они высвобождённо и сладко уходили и как возносилась облачком душа, действительно, вовсе и не монтаж? А была такая возможность у оператора — подсмотреть, поймать момент... Сколько их там гибнет, только снимай! Набрал в поисковике “шахиды”, видео сразу же открылось — музыка завораживающая, утягивающая, просветлённый юный лик, и душа, скользкая ввысь... И так полегало на сердце. Вот они, молодые, уходят, а чего же он-то боится? Чего цепляется? Веры не было? Вера была — в жизнь! А жизнь — она обманчива. Маленьким думаешь: вот стану большим, окончу школу, институт. И тогда что-то начнётся! Взрослым думаешь: вот вырастут дети, окончат школу, институт. Внуки появились — вот уже ходит, уже говорит!.. Жизнь ли, Бог ли заманивает будущим? А будущее — твоя старость, немощность, уход...

Поманило лечь или даже не ложиться, а просто раскинуться в кресле, и чтобы душа — чего ей делать в больном теле? Так поманило, что испугался. Прошил страх: нет, нет, нет, ну, надо же хотя бы дожидаться, чтобы вернулись с торжества жена, сын, внучки, посмотреть, как они в кафе справили крестины?!

Павел Валерьевич уже повёл мышкой, чтобы “щёлкнуть” по крестику в углу экрана, как выстрелило рекламное окошечко новостной страницы сайта. Лицо мелькнуло, как обожгло. Он ещё мгновение не верил, надеялся: показалось, ошибся! Сюжет был кратким, но ударным. Тиражировался так, что в сознании Павла Валерьевича уже не одна русская девушка, а бесчисленное множество выходили замуж за мусульманина, свершая обряд никаха, и не одна, а тысячи провожали мужа — и уходил тот мужчина с автоматом! И у всех этих тиражированных красавиц было лицо Лизы! С глазами её прекрасными, с взглядом оттуда, издали, где в окошечко небытие смотрит на бытие.

Павел Валерьевич вдруг с ясностью обнаружил, что вся его хандра, нахлынувшее нежелание тянуть лямку жизни, — от тоски по ней, Лизе. Она, именно она в этом доме была для него самым близким человеком — не по крови, по высшему человеческому родству!

Он поднялся, прошёл в дом. Стал рассматривать картинки, ею нарисованные. Камни, лежащие в море так, что напоминают силуэт мужчины, то ли распадающегося на части, то ли не собравшегося в единое целое? Крепостная стена, тоже как бы из разделённых квадратиками каменных глыб. И дорога летящими отдельными булыжниками...

Открыл крышку пианино, нажал клавишу: одинокий звук улетел на второй этаж. Павел Валерьевич даже проследил его путь. И направился словно вдогонку. Открыл дверь кабинета — на миг почудилось, будто Лиза так и сидит здесь, перед компьютером, как сидела... Пусто было место её.

Взгляд упал на альбом с фотографиями на полке: “Свадьба”. Открыл — глаз за последнее время привык к изображению на экране, поэтому фото на матовой шероховатой бумаге относили чувства к милому “раньше”. Даже не

к тому, когда всего лишь семь лет назад была свадьба, а к тому, когда задачи большой страны могли перекинуть его с семьёй из одного континента в другой, когда звание научного сотрудника и уж тем более руководителя проекта в секретном НИИ было окружено ореолом значимости, а у мирового прогресса существовала разумная перспектива.

И в этом, казалось, чудном прошлом и происходила свадьба его сына Сергея и невестки Лизы. Уже у себя в каморке, устроившись поудобнее на узкой кровати, Павел Валерьевич обстоятельно просматривал фотографии. Вот молодые обмениваются кольцами — в лице молодой жены абсолютное счастье! Улыбка лучезарная, глаза светятся! Вот скрепляют узы поцелуем... Вот молодожёны в окружении родственников, друзей. Сватья приезжала из Симферополя: только в её лице и есть предвещание чего-то опасного — лицо подверженной алкоголизму женщины. Но этого пагубного пристрастия Лиза не унаследовала совсем, она не раз говорила, что в отца, с которым ему так и не довелось познакомиться. А вот Сергей и Лиза возлагают цветы к Вечному огню. Внутренне собраны — причастны к памяти войны, — лица, будто из тех времён...

Павел Валерьевич вдруг вспомнил, что в контактах телефона у него есть номер Путина. Он давно собирался ему позвонить, и решил, что пришла пора. Путин ответил сразу, знакомым этим своим торопливым говорком.

— Владимир Владимирович, — стал спешить и Павел Валерьевич, — в Крыму нужно снова открывать НИИ. Это очень важно для мирового прогресса.

— Да, да, я с вами согласен, этим вопросом уже занимаются. Сейчас я вас переключу на человека, который занят организацией НИИ в Крыму.

Последовали длинные гудки. Теперь ответил другой голос, более размеренный:

— НИИ в Крыму уже организован. Скоро он начнёт работу.

Павел Валерьевич должен бы радоваться, что дела движутся, и мировой прогресс восстановил свой ход, но он, скорее, огорчился: опять обошлись без него, уникального специалиста...

— Дедушка, возьми, я тут всё снимала. Там есть, как бабушка танцует!

Внучка стояла у кровати. Павел Валерьевич не сразу понял, почему телефон у неё в руке, когда он только что звонил Путину. Грусть на сердце ещё оставалась, хотя, по логике, он должен радоваться!

Усмехнулся, поняв, что это был сон. Не довелось, выходит, поговорить с Путиным. А жаль.

— Что ты дедушке отдохнуть не даёшь? — окончательно развеяла иллюзию бабушка. — Как ты тут? Подушку приподнять?

Винцом дыхнуло от Евдокии Семёновны. И сама она была разругавшейся, помолодевшей.

— Бабушка танцевала? — улыбнулся Павел Валерьевич.

— Да, да, так красиво! — запрыгала внучка.

— Нашла, что снимать!.. — поправила подушку заботливая супруга.

Павел Валерьевич прикрыл глаза, будто засыпал. Как только дверь за бабушкой и внучкой закрылась, он решительно приподнялся, сел на кровать. Подсоединил телефон к компьютеру, по монитору, словно пробиваясь, протискиваясь сквозь неведомое давящее пространство, поползла полоска. Павлу Валерьевичу не терпелось посмотреть видео, отснятое внучкой. Празднование крестин младшей внучки! И если уж быть честным перед собой, то более всего манило посмотреть, как танцует бабушка. Она ведь здорово танцевала! В художественную самодеятельность ходила, и твист, и ча-ча-ча, и шейк так отчебучивала — загляденье! Да и он был танцор ничего: как-то в Доме отдыха они приз сорвали за лучший вальс!

Павел Валерьевич пролистнул кадры, где провозглашал тост речистый Олежек, гаишник Лёня звонко пел, подыгрывая себе ударами по столу, поднимал рюмку со слезами в глазах блаженный батюшка...

Евдокия Семёновна танцевала одна. Сольно. На площадке перед диджеем с громадём музыкальной установки. Без него, мужа — освободившись от

забот о нём, — она явно позволила себе расслабиться. Навеселе, что называется, давала шороху, как это и бывает с немолодыми людьми, которым хочется доказать, что они ещё ого-го!

Эта была танцовщица варьете. Вполне ладная, экзальтированно подвижная — приподнятая ножка была оттянутым носком воздух, а теперь и вся нога шла вверх, чуть не выше головы... и мелькнули трусики, белые, и мелькнули ещё раз! Икры такие крепкие ещё, вполне ещё...

Снова прилёт, растянулся по кровати. Что же он творит, эгоист несчастный?! Зачем мучит собой здоровую, крепкую, да и, в сущности, молодую женщину? Ей ведь ещё и мужчина нужен как мужчина...

Настойка на алыче стояла в шкафу, на нижней полке в трёхлитровой банке, чуть выше — в графинчике. Чего он дурака-то валяет?! Налил рюмочку. Сделал глоток. Как по рту-то пошло, покатилося по жилочкам...

— Пап, ты что?! — стоял на пороге сын.

Заходят, будто он уж мертвец, стучались бы хоть, что ли?

— Давно ты не называл меня папой, всё Павел Валерьевич.

— Я же играючи. Пап, тебе же категорически...

— Категорически можно.

— Разрешили?

— Абсолютно.

Сын заметно был под хмельком. И пришёл он не за тем, чтобы уличить или поучить отца. Павел Валерьевич достал вторую рюмочку, наполнил, поднял свою. Выпили за вновь обращённую.

— Отец, — так, кажется, сын вообще родителя никогда не звал. — Ты всю жизнь — убеждённый атеист?

— Крещёный атеист. Член КПСС.

— Но если есть человек, который живёт по-божьему, то это ты.

— У морального кодекса советского человека с десятью заповедями расхождения небольшие. Всё то же самое, только без упоминания Бога.

— Но свечку в церкви всё-таки поставил?

— Поставил... Поставил свечку, и какое-то обращение из меня пошло. Попросил не за себя — за себя я просить не могу. За вас. За тебя, за внуков. — Павел Валерьевич со значением повёл головой. — За неё... И так спокойнее стало.

— И я просил. Тоже не за себя. За детей. За тебя. Хотя по большому счёту, это и есть за себя?

— Атеист во мне никуда не делся, и я также понимаю, что всё это, может быть, иллюзия. Самоутешение.

— А вот я за неё почему-то не просил...

— Пусть живёт, как хочет. Никого не надо отягощать собой.

Сын помолчал, подумал: стоит ли переводить разговор в более щекотливое русло?

— Деву Марию просил?

— Божью Мать.

— А ты веришь во всё это?.. Живёт семья, муж жены не касается, вдруг на тебе — ждёт ребёнка... Непорочное зачатие?

— Я отношусь к этому, как к художественной литературе.

— Но ты же не станешь свечку ставить Татьяне... — Сергей затряс ладонью в воздухе, — из "Онегина"?

— Резонно.

Оба помолчали, глядя друг на друга.

— Почему семьи мусульманские — крепкие? — загорячился Сергей. — Семьи христиан трещат по швам?! Не потому ли что самая почтенная для нас женщина родила не от мужа? Да, от Бога. Но не от мужа. Каково было этому... плотнику?!

— Иосифу.

— Да помню я всё, просто мозги чего-то!..

— Я понимаю, почему тебя это волнует. — кивнул Павел Валерьевич. — Я тоже об этом думал. В последнее время. Скажу тебе так: я часто

бывал в длительных командировках. Представляю: возвращаюсь, а Черёмушка моя беременна. Нет, нет и нет! Я бы, скорее, поверил в непорочное зачатие, чем в измену Евдокии Семёновны! Так что все дело в мере доверия. Или, точнее, в силе любви.

Сын чуть не прослезился: как же его родители всю жизнь любили друг друга! Отец вновь наполнил рюмочки, вздохнул:

— А сам-то по молодости погуливал. Было. За это и расплачиваюсь.

— Ну, может, всё-таки тебе...

— Очень даже на пользу, — отец высоко поднял налитое.

— Что, прямо врачи разрешили?

— Рекомендуют. Однозначно. — Он точно изобразил Жириновского. — Только, батенька, Евдокии Семёновне — ни гу-гу!

Сын ушёл. А Павел Валерьевич стал ждать смерти. Почки-то не работают совсем. Какой алкоголь? Но ни болей, ни иных симптомов, обычно уже ощущаемых на второй день после чистки, не было. Как раз наоборот, лежал и обнаруживал в себе неожиданное, казалось, навсегда угасшее желание. Он ещё сомневался, а так ли всё в самом деле, получится ли? Но уже что-то за него решало, и ясно виделось, как в доме, сразу в комнате налево лежит с крепкими икрами Евдокия Семёновна — Черёмушка. Он поднялся, пошёл — легко, спокойно, просто здоровый мужик!

Дуся не спала. Готовила суп, глядя в телевизор.

— Тебе обязательно надо смотреть такие передачи! — воспалённо пригласила она, бывший чертёжник-конструктор, мужа к экрану. — Тут про артистов показывают...

— Черёмушка, — взмолился Павел Валерьевич, — при всём уважении к чужой жизни, я ещё хочу пожить своей...

Потянул жену за руку Павел Валерьевич, повлёк в опочивальню. И она подалась, заскользила так, как это делала когда-то. Ответила жарко на его поцелуи. И всё было, как прежде, или даже так, как не было никогда, а было что-то запредельное. Она плакала у него на плече. А он не мог плакать, потому что так был воспитан. А плакать хотелось, счастливо пустить слезу. Жизнь-то, жизнь-то как сладка!

Он проснулся на рассвете. Евдокия спала рядом, сладко свернувшись калачиком. Лежал пластом, думал, как подняться, не разбудив её, не потревожив. Поясница словно залита бетоном. Набрал воздуха, медленно высвободил руку, преодолевая боль и охватившую немощь, сделал движение вверх, помогая локтем. “Овощ, овощ, — обзывал он себя, — окаменевший овощ!”

Ехал на машине с перехваченным дыханием, вытянувшись на сиденье. Съезжал к обочине, останавливался, когда становилось невозможно, глотал таблетку обезболивающего.

В больничной палате сестра привычно воткнула одну иглу с подсоединённой к ней прозрачной трубкой чуть выше запястья, другую чуть ниже локтя. Оставив нетронутым — незадействованным — маленькое пространство. Трубки стали наполняться кровью.

В палате были не только почки. Так же, подсоединённый к аппарату гемодиализа, “чистился” с виду абсолютно здоровый представитель криминального мира, весь в наколках: после долгих лет тюремной диеты пустился он во все тяжкие: неумеренная еда, питье, — и теперь врачи помогали искусственно восстановить здоровье. Гуляй, хлопец, дальше! Бандит посмеивался на кровати, уткнувшись в планшет, — смотрел боевик!

Павел Валерьевич достал телефон, надел очки, теперь уже подробнее прокручивал видео крестин. В храме, в кафе. Но манило, и он, не стерпев, заторопился — посмотреть танец жены! Подняла коленочку, округлую, гладкую — ножкой с оттянутым носочком тык-тык, словно по мячу и — опа! — чуть тебе не шпагат! Трусики опять мелькнули... Ни ревности, ни обиды, что люди, мужчины, там, в кафе, сидели и смотрели.

Счастливым понимал, что минувшая ночь — это милость Божья! Да, именно так он неожиданно думал: дал ему Господь напоследок ещё раз вернуться

в молодость, насладиться жизнью. Укрепил. Потому что близость с любимой женщиной, подарившей ему детей, придавала сил, чувство исполненной земной миссии. И старший сын, Митя, не воспринимался теперь покойным, трагически погибшим, — душа его вознеслась, он видел это своими глазами! И скоро они свидятся, и отец уж не будет читать морали...

— В баньку пойдём со мной? — слышался масляный бас с хрипотцой. Молодая пышногрудая медсестра бинтовала бандиту руку. Разрисованный здоровяк аккуратно, не касаясь тела, сунул свёрнутую кушору меж её волнующих округлостей в уголке халата. Та хихикнула.

Всё это Павел Валерьевич за жизнь видал-перевидал, а всё одно: умиляло!

Ножка в окошечке телефона — оп, оп! Крепкая, упругая... Птица в клетке! Белка в колесе! Пора и честь знать. Отпустить её надо на волю. Стыдно же, не по-мужски — д-д-дрожать д-д-до озноба — за свою жизнь. Не овощ он!

Некогда у него был целый ружейный арсенал: и карабин с оптикой, и ружья, и мелкашка. Теперь осталась лишь двуствольная тулка. И патроны к ней. Павел Валерьевич с любовью держал в руках ружьё. Почему он, уехав из Сибири, забросил охоту и рыбалку? В Крыму всем этим вполне можно было заниматься. Но у него в представлении с охотой была связана тайга, причём зимняя, с топким снегом, а с рыбалкой — низовье Оби, куда отправлялись всем НИИ, используя подводственные катера со снастями: сети, невода. Чавыча, нельма, таймень... Может, и здесь что-то бы организовалось, перестроился бы на промысел в иных условиях, да всё рухнуло вместе со страной, ставившей высокие задачи. Цели были перечёркнуты, а всё остальное, как подпорки, развалилось за ненадобностью. Хорошо, хоть семья сохранилась: многие учёные тогда и семьи потеряли.

Патроны один за другим желанно вошли в стволы. Всё по науке: гильза папковая, пересыпанная крахмалом дробь “двочка”, согласно таблице Плоского, идеальная для шестнадцатого калибра. Правда, всё давнее, просроченное, ну да с расстояния ноль целых ноль десятых миллиметра разнесёт в клочья. Он приставил дуло к сердцу. Колотилось оно, простукивало до запястий...

Шаги, знакомые, словно пальчиками по ладам, слышались от крыльца: обострён был слух в эти мгновения, как у зверя. Сунул ружьё под одеяло, остался сидеть как ни в чём не бывало.

— На ужин что? — заглянула Евдокия. — Гречечку или овсяночку?

— Какой разнообразный кулинарный выбор! Свиинику, Дусенька, свиинику хочу, с салцем такую, полосками.

— А ты чего такой?

— Какой?

— Какой-то в лице странный?

— Размечтался.

— О чём? — Она просияла: конечно, в её представлении мечтать можно только о счастливом.

— Как ты будешь цветы носить.

— Куда?

— На могилку ко мне. Придёшь, всплакнёшь, постоишь, поговоришь со мной.

— Типун тебе на язык! Ты ещё меня переживёшь! Грех о таком говорить, грех!

— Уж и помечтать нельзя. — Павел Валерьевич улыбался.

— Тебе гречку с молочком или на водичке?

— На водичке, — сказал он шипло, как на издыхании, — чего добро переводить?!

— Ты опять?!

— Сви-ни-ны!

Евдокия Семёновна махнула полотенцем в руке:

— Овсянку сварю.

Павел Валерьевич остался один: никогда он не был согласен с этими словами, что человек приходит в мир один и уходит один. Как же приходит один? Мать рядом, акушеры, отец в отдалении, но всем сердцем с новорождённым: Павел Валерьевич хорошо помнил своё волнение, когда он ждал первенца. А когда появился Сергей — поздний ребенок! — места себе не находил!.. Живёт человек среди людей. Оставляет о себе память. Но последнее время ему не то, чтобы одному лучше, но лучше, когда он собой не докучает другим.

Павел Валерьевич закрыл потуже дверь. Повернул с щелчком рукоятку замка. Подумав, щёлкнул в обратную сторону: иначе дверь снаружи ключом не открыть, ломать придётся. А ломать, как известно, не строить.

Достал ружьё из-под одеяла. Он немало пострелял зверья и относился к этому как охотник, с гордостью. Но в памяти возникла подстреленная собака, овчарка егеря, которую не он, а его приятель принял за волка. Овчарка поднималась, падала, волочила зад, и кровь струей била из рваной раны.

Дверь дёрнулась, но не открылась, зажатая тугими косяками. Со второй попытки Дуся распахнула дверь настежь:

— Ты чего так закрылся?

— Да закрылась. Дунуло.

Погода стояла безветренной.

— А ружьё зачем?

Он про него и позабыл, сидел, уткнув приклад в пол.

— На охоту собираюсь. На утку. Помнишь, сколько я утки привозил?

— Как не помнить, всем соседям раздавали... А где здесь утки?

— Ты на море давно была? Здесь стаи уток!

— В городе, что ли, стрелять будешь?

— Зачем в городе? На Азов поеду, на Генеральские пляжи.

— А я тоже хочу туда. Там красиво!

— Вот и поедем. — Павлу Валерьевичу было тяжело разговаривать.

Дуся почти прослезилась:

— Есть-то иди! Овсянка — чего она, три минуты! — побежала, размахивая полотенцем.

А если и он, как тот пёс, не померёт сразу? И будет кататься по биндюге с пробитым пузом, — а выстрелить хотелось не в сердце, а именно туда, на уровне поясицы, откуда всё время тянуло и сосало, — зальёт всё здесь, как раненый зверь, кровавыми следами? Дуся увидит его изуродованным? Таким и останется в памяти?

“Нет, брат, — катились мысли в другую сторону, — дрейфишь ты просто, так и признайся, кишка тонка”. Всю жизнь, выходит, обманывал себя и других, не раз повторяя, что не любит менять решений. “Нет, братец кролик, так не пойдёт, необходимо восстановить план дальнейших действий”.

Из читанного помнилось: дуло приставить к груди — всё-таки к сердцу, — а большим пальцем ноги нажать спусковой. Павел Валерьевич всегда был волевым, неспроста же, не особо тренируясь и не имея никакого опыта соревнований, становился чемпионом Сибири по борьбе классического стиля в полутяже!

Взвёл курок, прилёг на дуло, крепко зажав руками ствол. Приподнял ступню, пытаясь отвести в сторону большой палец.

Пальцы ног и рук у него от рода были широкими, теперь же обнаружилось, что их разнесло, они не разделялись, почти не гнулись: не лезли в предохранительную скобу! Он почти рассмеялся мысленно. Счастливо, что не надо стрелять. И горько: делать-то что-то всё равно надо.

Павел Валерьевич отложил ружьё. Посидел недвижно на кровати. Не обязательно же пальцем, можно взять палку, и с таким же успехом привести в действие спусковой механизм.

Не обязательно и ружьё. Верёвка. Ни ран, ни крови. Вельможных ханов в Турции казнили удавкой, чтобы не проливалась кровь: по их понятиям, с пролившийся кровью веками мается душа, не находя места.

Павел Валерьевич открыл интернет, стал искать пособие по удушению верёвкой. И нашёл, как ни странно. Ничего нового не сообщалось: верёвка крепкая, не толстая — хорошо, если бельевая, — мыло, табуретка.

— Ладно, я тебе сюда принесла, — влетела Дуся.

Он спешно переключился на шахматы.

— Всё с американцем? — заглядывала с любопытством жена.

— С китайцем. Лао Цзы.

— И как? — Её совершенно не смутило имя противника.

— Проигрываю. Напрочь.

— Ты?! Китайцу?! Да не поверю!

— Я же свинины просил, что ты мне опять овсянку?!

— Правда, что ли? Ну, есть свинина. Я её как раз оттаяла в микроволновке, не знаю только... Ну, ладно. — Ушла.

А зачем бельевая верёвка? Ему жаль было снимать с крепежей бельевую верёвку, вотчину жены. Буксировочный трос — тонкий, крепкий. Как раз недавно купил. Кстати. Сходил, взял из багажника машины. Дверь уже не закрывал, чтобы Дуся не могла явиться незамеченной.

Бутылочка с жидким мылом стояла на раковине. Удобная: с пульверизатором. Нажал на головку, подставил ладонь лодочкой под носик, чуть капнул воды. Повёл по тросику: скольжение идеальное.

— Что они творят! — поднимался от ворот, возмущённо размахивая газетой, Марк Самуилович. — Просто сошли с ума! Они хотят запретить русский язык!!!

Павел Валерьевич продолжал заниматься своим делом, но не мог не усмехнуться этому раскатистому гордому “гусский”!

— Я полагаю, это даже для Львовщины не пригодно! Но как без русского в Крыму?! В Восточной Украине?! Неужели они не понимают, что это — гражданская война?!

Хозяин, кивая в согласии, натирал верёвку мылом.

— Сносят памятники Ленину! Ленину, единственному правителю, который подерживал украинское национальное движение! До восемнадцатого года ни Донбасс, ни Львов не были в составе Украины! Ленин, по существу, создатель украинской государственности, которая в полной мере была реализована в составе СССР! Ставят памятники Бандере, который расстреливал евреев в Бабьем Яре, убивал детей в Белой Церкви, причастен к холокосту. Только на Западной Украине от рук националистов погибло двадцать восемь тысяч евреев!

— Что вы за народ, евреи! — вдруг возмутился Павел Валерьевич. — Я вот, русский, обязательно вспомнил бы и евреев, и поляков, и русских, и украинцев, которые также гибли от рук бандеровцев! А еврею дороги только евреи! Сам националист!

— Извини! Я пришёл сказать о русском языке, для меня родном! Я хочу и буду отстаивать право русского языка, право русскоязычных в Крыму и на Украине даже ценою жизни! — Марк Самуилович погрозил кому-то сухоньким кулачком. — А вот некоторые, бывшие члены КПСС, кстати, прячут голову в песок!.. Страус!

Павел Валерьевич в сердцах забросил петлю под кровать.

— Почему ты, русский образованный человек, безразличен к общественной жизни! Сколько я тебя прошу: напиши статью, призови к объединению с матушкой Россией! — Марк Самуилович вдруг замер с вознесённым вверх пальцем. — Нет, “объединение” — слово неверное! Призови к возвращению Крыма в сложившееся за века единое историческое пространство! А что касается того, что я еврей, так я никогда даже не был в синагоге! Я просто уверен, что вот так, в разногласии, в раздоре, ничего на этом пространстве не будет!

Павел Валерьевич скончался ночью. Тихо, спокойно, никому не досаждая. Лежал, как это часто бывает с усопшими, помолодевшим. С пугающе живой улыбкой. Будто притворялся. Разыгрывал. Сергею даже на миг пока-

залось, что отец приоткрыл глаза. Подмигнул. Он вышел из комнаты с телом покойного. Через минуту вновь вернулся. Озорство играло в лице отца — таким сын его и помнил по раннему детству, когда жили в Сибири. Павел Валерьевич, вернувшись с охоты, вынимал чёрствый хлеб из рюкзака, приговаривая: “Это от зайчика!”

И ещё что-то в облике покойного было такое, словно потянувшее ввысь: “Почти как у этих, на видео”, — против воли думалось Сергею. Имя “этих” он даже в мыслях произносить не хотел.

— Так и не съездили мы на Генеральский пляж, — почему-то произнесла мама, и потом ещё не раз повторяла. Будто главным в жизни и была эта неосуществлённая поездка.

Похоронили. Отпели, как положено. Все уже давно привыкли к мысли о скорой неминуемой кончине Павла Валерьевич, поэтому особого горя не чувствовалось. Тем более что даже в минуты панихиды в церкви он лежал с таким видом, будто уезжает по льготной туристической путёвке.

На Серого этот загробный оптимизм отца подействовал угнетающе: что называется, опустили руки. Не то чтобы переживал утрату: как говорится, все там будем. Прессовала душу простая мысль: Лиза жива, но для него она хуже, чем умерла. Умерла — было бы легче. Он даже представлял, как её хоронит, льёт скупую мужскую слезу. Потом, дома, один, рыдает. Но на душе светло, без мути. Ладно, даже бы изменила, ушла к другому. Но Лиза перевернула всю жизнь! Все мыслимые понятия! Это как для отца — распалась страна!

Дела свалил на Олежку. Тот не прекословил, успевал по работе, от всей души желая помочь товарищу, у которого шла чёрная полоса. Был Олежек при этом человеком обеспеченным: дом его располагался на первой линии от моря, сразу за Генуэзской крепостью; на земельном участке он построил мини-гостиницу (само место обязывало!), а жена Ирина держала мини-бар. Здесь же на сход собирались казаки, священнослужители, всех он привечал. Сергей не любил ходить по гостям, но Олег с Ириной просто вырвали его из “домашних тенёт”, устроили ужин. На веранде, казалось, нависающей над морем. Ирина то присаживалась с друзьями за стол, пригубляла наливочки, конечно же, домашнего производства, то убегала и приносила угощение: плов с мидиями, запечённую в сыре картошку пластинками, соленья, копченья.

— Вот я думаю, для чего живёт человек? — Олежка окидывал взглядом свои добротные владения и морскую ширь.

Сергей насторожился, полагая, что сейчас, устами Олега, живущего складно, знающего историю, откроется непонятая им тайна жизни.

— Поесть, попить, — стал загибать Олежек длинные сильные пальцы, — женщину полюбить! — Рядом случилась жена Ирина, и муж, понятно, смачно приложил пятерню к завидной плоти её.

Сергей не ожидал такого разворота мысли.

— А зачем ты в море ныряешь с аквалангом? Рискуешь, в общем-то? Историей интересуешься? В церковь ходишь? Постишься?!

Олежек постучал себя сначала по лбу, затем по сердцу:

— Так для этого тоже еда нужна!

Всё для него было предельно ясным.

Нет уж, коли вытащил его — не из дома, из ила подводного, в который затянуло по темечку, — простыми решениями не отделаться.

— Ей эсэмэски приходили с поучениями пророка Мухаммеда, — заговорил из долгих дум Серый. — Лизе.

— Вот это пропагандистская машина! — округлил глаза Олег. — ЦРУ, не иначе!

— Так мне тоже эсэмэски приходят! — откликнулась занимающаяся столом Ирина. — Из магазина нижнего белья!

— Хадисы называются, — продолжал Серый. — Запали в ум слова: “Не слушай советов одиноких людей”. Когда я прочитал, показалось, так правильно. Что одинокий может насоветовать? Я был уверен, что сам никак не одинок! Дети, родители, жена, работа! Счастливый человек! И вот —

жена... — слов не находилось, Серый только развёл руками. — Отец... — он пустил руки.

— Родителей рано или поздно приходится хоронить каждому, — рассудил Олежек.

— Да в том-то и дело, что... Стою у могилы, крышку закрывают, последние мгновения лицо отца вижу, а я... — Он постучал себя ладонью по лбу, — думаю, где она? В Турции? В Иране, Сирии? Где?! Кажется, ухнул куда-то, в воронку такую. — Серый показал ладонями сужающееся её горло. Посмотрел и пальцем указал в эту сужающуюся воображаемую воронку. — Один там!

— Да не бери в голову, бывает и с женой: вот она, рядом, а ты всё равно один! — приобнял жену Олежек.

— У тебя бывает?! — не поверил Серый.

— А то!

— Как сейчас надаю тумачков! — шутливо толкнула мужа Ирина. — Бывает у него! Как девчонок населит в номера, так только и ходит, глазами-то, как жеребец!

— Что написал Фёдор Достоевский в своём предсмертном послании жене? — смотрел значительно подкованный прораб. — Он написал: “Аня, я тебе никогда не изменял... — выходил Олежек победителем. — Только в мыслях”.

— А вот и не так! В школе, в отличие от некоторых, по литературе у меня было “пять”. Эти слова я запомнила: “Даже в мыслях”!

— О-о-о, — изобразил Олег жеманную деву, — “даже в мыслях”! Почему спорим?!

— По “ку-ка-ре-ку”!

Хозяин сорвался с места, с жаром потирая руки. Принёс репринтное издание трудов классика. Ткнул под нос одному, другому, указывая пальцем: “Только в мыслях”.

— Кто ме-ня, — запел речитативом Олежка, вскинув ладони на манер дирижера, — на рас-свете раз-бу-дит?..

— Кукареку, — выдала без стеснения Ирина.

Хохотали оба. Да и Серый прослезился от смеха: это же для него они, его растормошить!

— А я, ей-богу, даже в мыслях. Как табурет какой! — не без горечи веселился Серый.

— Да ну?! Так не бывает! — изумился Олег.

— Дело не в тебе, — улыбнулась Ирина, склонив голову: — Она, видишь, особенная. Лиза. И ничего с этим не поделаешь...

У Сергея просился на язык вопрос его “пунктика”, как он сам называл свои навязчивые думы.

— Вот вы оба носите кресты. Иконы у вас, а вы в непорочное зачатие верите?

Ирина в оторопи посмотрела на мужа. У Олега ответ был готов:

— А как же?! Теперь это и научно доказано, что такое возможно. Самка есть самка, ей надо родить. В Библии, дочери Лота, не было мужчин, родили от отца. В животном мире акулы, я читал, нет самца, происходит самоосеменение! А в древней мифологии сплошь женщины рожают от Бога! Тогда же Бог по земле ходил, его часто люди встречали. И сейчас в мире много примеров, когда девственницы рожают!

Жена Олега кивала, влюблённо глядя на языкастого мужа.

— Я не о том. — Головин ставил вопрос ребром. — Мухаммед у мусульман жил обычной человеческой жизнью. Жены были, дети. Только пророк. Пример для подражания. А у нас? Вот ты хотел, чтоб твоя жена понесла от Бога?

— Шею бы свернул!.. — засмеялся хозяин, сделав грозное лицо.

Посерьёзней.

— Богу — Божье... А мы люди. Сказано: “Прилепится муж к жене своей”. “Да убьётся жена мужа своего”. Куда как яснее! — обнял долгой рукой Олег крепкую Ирину.

Счастливые супруги провожали его. Не находил он ответа у людей на вопросы души своей. Шёл по тропинке холмистым берегом: то в ложбинке, то на гребне. Море разыгралось беспокойно, плескало так, что обдавало брызгами. “Как же одинока Лиза с ним была, если он сам с собой одинок?” — саднило сердце, подавливало. Хоть бери да езжай, где там она, разыскивай! Стал шарить по карманам, не вполне отдавая себе отчёт, в поисках чего? Не сигарет же — он раза три за всю жизнь курил. Так, с друзьями, когда они до невыносимого чадили вокруг. В нагрудном кармане на заклёпке обнаружил бумажку. Отец, видать, оттуда напомнил: это же подготовленная им сводка по интернет-связям Лизы!

Переданные отцом электронные адреса уводили к “проповедникам”, вызывающим к исламу: их всех отличала страсть, энергия, которая так и лилась с экрана и забирала в свой мир — на фоне всей этой пузырящейся ТВ-тусовки они привлекали подлинностью!

Какая тут борьба разворачивалась! Вот парень двадцати лет, крепко сбитый, сухощавый, за решёткой в суде читает рэп о готовности к любой жертве ради Аллаха. Прямо и смело обращается к прокурору, к судье, обещая им муки, потому что на зарплату такие хари не наешь, — а у тех, действительно, неприятно гладкие, холёные лица! Медузы такие! Молодой мусульманин-моджахед — родом из Белоруссии, при этом в рядах современных бандеровцев борется за национальную чистоту Незалежной: “Всё зло от русских! — так же истово восклицает он. — Там, куда приходят русские, начинается война!”. Глаза горят, в руке, высоко поднятой, Коран!

На видео под другой сноской муж с женой, оба славяне. Он, как молодые коммунисты в ранних советских фильмах, с абсолютной праведностью в светлых очах, повторяет слова главного мирового террориста: “Если бы крокодил повстречал ребёнка, у которого есть силы только на то, чтобы кричать... Разве крокодил принимает какие-либо аргументы, кроме оружия?” “Крокодиллом” в его толковании выступает Америка!

Лицо у “врагов ислама”, по версиям интернет-проповедников, было разным. Девушка, на этот раз из Дагестана, главного врага видела уже не в другой стране или национальности, а в самой жизни, в которой нет ничего хорошего, и в мужчинах, которые предают, а поэтому верный путь — сразу к Всевышнему, в шахидки!

Слова у них не расходились с делом. Молодая супружеская пара скоро после своих призывов устроила теракт, подорвав почему-то совсем не американского крокодила, а мирных граждан в Ставрополе. Дагестанка разрядила пояс шахида в обычном рейсовом пассажирском автобусе... Это сокрушало: вот только на экране они были живыми, пылкими и азартными, и вот в том же квадратике видео от них оставалось лишь облако дыма!

По следующему выписанному отцом адресу был каскад размещённых аудио-видео-сюжетов. Сразу же шокировал авторский пост, крайне оскорбительный для мусульман.

Сергей запустил первый попавшийся сюжет. На экране появилась ночная освещённая улица, на противоположной стороне от съёмочной камеры располагалось современное здание из стеклобетона: “Вайнах-телеком”. Перед зданием на просторной площадке перемещались четыре парня: четыре силуэта в ночном освещении. Один вёл разговор по телефону:

— Ну, выходы, где ты?! — в голосе звучало горное эхо.

— Мы же договаривались, ты один придёшь! Хрена ли вы пришли вчетвером? — с заметной усмешкой отвечал красивый “радийный” баритон.

— Давай один на один, — парень перед “Вайнах-телекомом” занервничал и усилился акцент. — Выходы! Где ты?!

— Я здесь, чурка, рядом. Сейчас выйду. Пусть остальные уйдут.

— Я — чурка?! А ти гондон! Выходы!

— Знаешь, в чём твоя беда? Ты веришь, что Аллах — Бог! А Аллах — ...

Парень с красивым голосом явно забавлялся, выводил собеседника из себя. Да и Сергею, далёкому от веры, становилось не по себе: мурашки по коже побежали. Как это, про Бога — так на весь мир!

Парень с телефоном на экране взрывался грозными грязными ругательствами.

— Посмотри за стекло, — забавлялся невидимый ведущий. — Я же там, в “Вайнах-телекоме”, — и опять со смешком шли унижительные оскорбления.

— Я тебя найду, трыдыдыды! Я у тебя вырву, трыдыды! Вы все у меня, русские, будете...!

А забавляющийся человек, довольствуясь эффектом, пуще жал на “больное”. Со смаком скатывая имя Бога с матом.

Серого поразило, что парень на площадке не бросает трубку, а всё больше выязывается в оскорбительный для него разговор, и даже признательно называет измывающегося человека братом. Хотя и грозит этого “брата” убить!

Серый отключил видео, глянул на количество просмотров: зашкаливали за сотни тысяч. Удивительно: его также манило посмотреть иные сюжеты. Ничего особо нового: оскорбления, мат, цепляние, на этот раз за национальное чувство, потому что “Забавник” представился азербайджанцем, и его новый визави возле “Вайнах-телекома” костерил этот народ.

Что так затягивало в эти просмотры? Отсутствие рамок? Отвязность? Некая загадка, которую устроил “Забавник”: его-то никогда не было видно, и кто он, откуда реально ведёт свой “эфир”? Ну, и смелость определённая.

Выложенных широко востребованных сюжетов был поток, ибо “Забавнику” звонили отовсюду, и все, в общем-то, для того, чтобы “вправить мозги”. Серый уже хотел бросить это дело, но ещё раз, напоследок, щёлкнул указателем мыши по сноске следующего сюжета.

Зашипела полоса записи.

— Не говори оскорбительно про Аллаха, — заполнил пространство ровный мерный голос...

Это была Лиза! Серый даже прогнулся, влип в экран, хотя сюжет был сугубо звуковым: беседа.

— А откуда ты знаешь, что я говорю про Аллаха?

— Я слышала.

— Где?

— У тебя в блоге.

— А зачем ты ко мне заходишь, если тебе не нравится, что я говорю?

— Не знаю. Случайно.

— А про что мне говорить?

— Про то, во что ты веришь.

— Хорошо. Я верю, что я центр вселенной, и все женщины обязаны улаживать меня! У тебя она волосатая? Мусульманкам же нельзя брить, волосатая?!

— Ты понимаешь, что оскорбляешь религиозные чувства?! За это могут привлечь по статье! — выходила из себя Лиза. — Если тебя не видно, думаешь, тебя не найдут?! Думаешь, Москва там у вас большая?!

Забавник смеялся в голос:

— А с чего ты взяла, что я в Москве?! Я из Тель-Авива с тобой разговариваю.

— Ты иудей?

— А ты хочешь мой обрезанный? — послышался еврейский акцент.

Женщина отключила линию. Сердце Серого прямо саднило: чего же она раньше-то не отключала? Однако и сам не отключился, а стал читать комментарии. Имя “Забавника” просто утопало в дифирамбах. Оказалось, существуют целые группы его фанатов. Также было много ругательств и обещаний разделать с “Забавником”.

Вдруг, среди сорных реплик с нарушением орфографии и пунктуации, Сергея остановил гладкий добротный текст, снабжённый неожиданными здесь запятыми и точками.

“Фёдор Михайлович Достоевский ввёл такое понятие: подпольный человек. Подпольный человек, который, сидя в камерке, попивая сладкий чай,

в мыслях сокрушает мироздание, потому что мироздание его, этого человека, не заметило, не оценило и не сделало Наполеоном, каким вполне мог он быть”, — Сергей точно знал, кто написал эти строки. Отец! Павел Валерьевич, оказывается, вёл здесь свою борьбу. И борьба это была за Лизу!

“Интернет вывел подпольного человека из его внутреннего склепа, помог ему раскрыться, и теперь уже не мысленно, а воистину во весь мир объявляет он о себе: мне испить чайку или миру перевернуться? — Так мне чайку испить! Подпольный человек — это сила, сегодня переворачивающая мир. “Забавник”, как вышедшая на люди подпольная душа, несравним по силе воздействия с прошедшими подготовку и обучение сотрудниками спецслужб. Хотя обязательно окажется вовлечённым в их работу. “Идрис”, — а это имя исламского пророка, обучавшего народы, — тоже подпольный человек. С “Забавником” они составляют замечательную пару, работая по принципу конокрадов, когда один с одной стороны пугает табун лошадей, а другой на бодром скакуне заходит бросившемуся в бег табуну в изголовье и уводит за собой”.

Серый даже увидел, как отец сидит за компьютером, набирает текст. С виду безмятежный, само спокойствие. А что там у него внутри было?! Буря!

“Я не удивлюсь, если Идрис и “Забавник” — один человек...” — заключал Павел Валерьевич.

— Как вы смеете?! — восклицала Лиза. — “Забавник” — гадкий пошляк. А Идрис — святой!

Догадывалась ли она, что спорит со свёкром?! Похоже, нет! Её даже не насторожило, что оппонент знает об Идрисе: ведь “учитель народов” вёл работу только в личных контактах.

Домочадцы, выходит, когда собирались на кухне или в огороде, жили одной жизнью, а когда расходились, каждый по отдельности — другой, “подпольной”, миссионерской?!..

В Каменке Серый без труда нашёл дом, где могла быть Лиза или можно было узнать о ней. Он просто спросил у первой попавшейся бабки про женщину на чёрном “Мерседесе”, при этом показав руками долгопольные одежды.

— А, это вербовщики-то?

— Какие вербовщики? — оторопел Серый.

— Ну, в эти, в каких их, в шахиды вербуют.

— Они что, так открыто вербуют?

— Ну, они-то, может, и скрывают, но мы-то знаем. От соседей что скроешь?

— А милиция? УСБ?

— Что милиция?

— Они что, не знают?

— А знают, так что? Люди тихо живут, по-соседски. Пройдёт, поклонится. Недавно мясорубку у меня спрашивала: у них электрическая, а электричество отключили. Ничего, взяла, накрутила, вернула, там отчищенная, вся блестит, мне ещё фаршу принесла! А что вербуют, так не ходи! Они же силком не тащат! Я вот не пойду, так меня и не вербуют!..

“Это как сказать, тётка”, — подумал Сергей. Казалось, что и он уже не свободен: в него она тоже как-то вцепилась, вербовка!

Дом стоял на высоком обрывистом берегу Азова. Волна шла большая, с гребнями. Зубастая. Ворота откатные, с электроприводом — не то, что у него, строителя, которые до сих пор открываются руками. Первый этаж — без окон: дело обычное для домов, используемых, как дачи, где люди бывают наездами. Надпись на фронтоне, выложенная лампочками, сейчас, к зиме, не светящимися, так что сразу букв и не разберёшь. Прочитал, распутывая вязь: “Мини-гостиница “Идрис”. И слабость такая по телу пошла. Немота, к щиколоткам. Это что же, он здесь, что ли? Так как же тогда его убили? А “Забавник”, поди, тоже здесь?

На двери был кодовый замок. Смотрел глазок видеорегистратора. Нажал кнопку вызова. “Блинь, блинь”, — тишина. Ещё раз: “Блинь, блинь”.

Затвор щёлкнул, воротники приоткрылись. В глубине двора лепестком располагался бассейн. Парил: знать, вода подогретая. Сергей приблизился к краю: двое купались в тёплой воде, мужчина и женщина.

— Администратор там, — махнул мужчина.

Сергей поднялся по высокому крыльцу, вошёл в дом. Оказался в небольшом пустом фойе гостиницы со стойкой администратора. Повернулся в одну сторону, другую:

— Вы в бани? — словно поймал его каркающий женский голос.

Знакомая женщина-вещунья чёрной вороной стояла на винтовой лестнице. Сергею хотелось прокричать: “Где Лиза?!” — но вместо этого он кивнул, ещё не понимая, о чём его спрашивают.

— Вам какие? — женщина говорила так, будто видела его впервые.

— А какие есть? — отвечал в том же духе Серый.

— Возьмите прейскурант, — кивнула она на стопку рекламных листочков.

Он взял листок, долго глядел, никак не в силах уразуметь, куда он попал?

— Есть финские, римские, хамам, — не дождалась ответа “администратор”. — Есть и русская, с веником!

— Хамам? — переспросил Сергей.

— Восточные. С массажем. До шести человек такса одна. Если больше, плата добавляется в зависимости от количества.

— С массажем? — почему-то затревожился Серый.

— Вы можете отказаться, если вам не нужен массаж. Но тогда какой смысл брать хамам? Возьмите римскую.

— Нет, нет, хамам.

Серый расплатился, снова вышел во двор. Только теперь обратил внимание на череду одноэтажных строений по другую сторону двора. В каждое вёл отдельный вход. Администраторша провела его в ближнее к выходу строение.

Восточная баня оказалась сауной, только с каменными полками и маленьким бассейном посредине: если в русской пар идёт оттого, что поддают на каменку, то здесь пар бассейна и заполняет пространство.

Сергей разделся, присел на прогретый каменный полоч. Стал ждать с немеющим сердцем: ему представилось, что попал он на самом деле в притон, и под видом восточных дел здесь занимаются проституцией. Неужели и Лизу завлекли сюда, чтобы сделать, так сказать, “массажисткой”?! А вдруг бывшая жена сейчас к нему и придёт?! Да нет, эта чёрная ворона не пустит: она же на самом деле знает, кто он, всё отлично понимает. Сердце застучало, застучало, так захотелось, чтобы пришла Лиза. И что же? Простит её? Она же была уже с другим, замуж как бы вышла... Не простит. Не примирится. А зачем тогда он здесь? Зачем?!

— Ложитесь, а я пока приготовлю мыло, — стоял перед ним полный смуглый мужичок, одетый, как санитар. В руках, поросших густой растительностью, он держал тазик и наволочку.

— Нежарко тут у вас, — заметил Сергей.

— Это же не русская парная. Это восток, релаксация.

Банщик вспенил воду в тазике, окунул наволочку, потом раскинул по воздуху, как парус. И стал выжимать пенную жидкость на спину Сергею. Когда всё тело было покрыто пеной, повёл по коже руками.

— А разве здесь массаж делают не женщины? — Серый всё ждал, что банщик завершит свои приготовления и появится массажистка, женщина.

— Могут быть и женщины. Это не принципиально. Вам хотелось, чтобы женщина была?

— Нет, нет, — почему-то испуганно отказался Серый, хотя ему именно этого и хотелось — женщину.

— В хамам нужно ходить с друзьями, чтобы не только мыться, но и беседовать, философствовать.

— Философствовать? — удивился Серый.

— Нет, можно и деловые вопросы решать. Но тогда это не релакс. Релакс, это всё-таки размышление на абстрактные темы.

— Идрис бывал здесь? — поставил вопрос Сергей, как ему подумалось, в лоб.

— Идрис? — теперь удивился парильщик. — Идрис — пророк. Учитель. Он жил более тысячи лет назад. Знал семьдесят языков и с каждым человеком мог говорить на его родном языке. Многие народы привёл в Ислам.

— Многие народы?

— Многие.

Сергею становилось ясно, почему этот мужчина из интернета, так увлечённый Лизу, назвался Идрисом. Он тоже умел говорить на языке тех, кого обращал в свою веру.

— Я про другого Идриса: славянина, голубоглазого?

Банщик чуть приостановил свою работу, отклонился, посмотрел в лицо Сергея.

— Он тоже проповедовал, — сказал Сергей. — Его недавно убили!

Восточный человек снова отклонился, глубже, посмотрел внимательнее.

— Даже если ты её найдёшь, приедешь туда, где она сейчас, — продолжил парильщик натирать спину ворсистой варежкой, — она не услышит тебя, как ты не слышишь её.

Больше Сергей ни о чём не спрашивал. И парильщик молчал. Смывал пену, поливая из тазика. Не было никакой лёгкости, которую обычно человек испытывает после бани. Откуда она, лёгкость? Серый окинул на прощанье двор взглядом: от бассейна в глубине обильно шёл пар. Хозяйка стояла на высоком крыльце, вся в чёрном.

— Женщина — тень мужчины, — гортанно произнесла она. — Не ищи свою тень.

Серый глянул себе под ноги, откуда должна идти тень. Тени не было. Но её и не могло быть: туча нависла.

— На, возьми, — протянула хозяйка мобильник. — Она оставила. Ей он без надобности.

Серый завёл в машину. Облокотился на руль, уронив голову. Посидел так, достал телефон, оставленный Лизой. Прежде в нём потоком шли сообщения с поучениями, ныне шла чередой сноска на видео. Это были клипы барда по имени Тимур. Голос у певца был низким, с лёгкой хрипотцой, — голос мужественного человека. И слово было крепким, не из потока — не про “два кусочка колбаски”! Пел он на русском:

*Они ушли, они ушли
В иные вечные пространства
И за пределами Земли
Приобретают постоянство...*

И лица шли по экрану. Нерусские, чужие. Но Сергей чувствовал, как захватывает душу — прямо вот за грудки берёт и встряхивает:

Они находят свой покой...

Невероятно! Манило в этот их мир сильных людей, гордо презревших земной порядок. Может, в иное время и не манило бы, но когда не знаешь, куда себя деть, так бы и подался куда-нибудь в горы или в лес. И ещё понял страшное: она к ним ушла, к решительным.

В следующем сюжете мужчина с автоматом говорил о том, что мусульмане хотят жить миром со всеми: христианами, буддистами, иудеями. Но никогда лично он не примирится с теми, кто убивает мусульман только потому, что они мусульмане. Кадры видео демонстрировали расстрел мирных людей. Танк на экране надвигался гусеницей, казалось, прямо на него.

Зазвонил телефон. Серый сначала поднёс к уху тот, который держал в руке. “Это был репортаж из Сирии, который ты не увидишь по телевизору”, —

завершался сюжет. Отбросил Лизин мобильник, стал искать свой, суетно ощупывая карманы. Но его нигде не было, а звонок шёл. Наконец, увидел светящееся окошко телефона между сиденьем и порогом машины.

— Я н-нашёл её...

Только в следующую секунду по лёгкому акценту и заиканию Серый понял, что звонит Эльсан Исламов.

“Не ищи свою тень”, — промелькнуло в сознании напутствие женщины-ворона.

— П-приезжай к мечети, у меня есть видео.

Зачем ехать? Какое видео? Всё, всё, всё! Решено. Но, словно приговоренный, направил машину к мечети: что делать, сам же парня “загрузил”!

Эльсан ждал его с планшетным компьютером наготове.

На экране был посёлок из типичных для пригородов России коттеджных строений, только в гористой местности, с лозами виноградинок во дворах. Молодые женщины в покроях одежд, но с открытыми лицами, сидели кружком на траве где-то в саду. Гутарили — именно этим казачьим словом Сергей мог определить женское общение: слов было не разобрать, но скажет одна что-то весело — все в смех, добавит другая — опять хохот! Дикторский закадровый голос пояснял, что это ваххабитское село в Дагестане, женщины после намаза забавляются анекдотами, касающимися общения с муллой или исполнения заветов. Да, среди гомона и смеха можно было разобрать часто поминаемое имя Аллаха. Камера то и дело фокусировала взгляд на лице красивой юной женщины с губкой лодочкой. Лиза ничего не говорила, но лицо сияло, а вдруг и она закатывалась в смехе. Она и не она! Видел ли он когда-нибудь жену такой весёлой?!

В подростковом возрасте пацаны кружком пробовали сигарку анаши — потом все гоготали! Он только раз курнул, да и то не в себя, для вида. Смотрел на других и думал: придуриваются, что ли? Или вправду хохот разбирает? Испытывать не стал. Зовут уличные парнишки “приторчать”, он в ответ: “Мне на борьбу”, — и никаких вопросов. Некоторые, правда, задирались: “Поборемся”! Ну, с ними-то, неподготовленными да закуренными, в прямом смысле — одной левой!

Сергей невольно глянул на Эльсана, как бы ища ответ на свой немой вопрос: товарищ юности, отличный борец, держал планшетник перед собой, и они оба заглядывали в чужой мир, почти касаясь друг друга головами.

Брошенный муж, кажется, забыл про свой вопрос. Лицо Эльсана светилось, как-то странно переключаясь с сиянием глаз Лизы! Сергей секунду-другую наблюдал за Эльсаном, но старый приятель совершенно не замечал его взгляда. Вдруг сошлись к переносице его строгие кавказские брови, проступили желваки.

На экране Лиза была рядом почему-то не с арабом, которого назвала мужем, а с парнем, видимо, из местных, из этого дагестанского села, где проводились съёмки. Парень держал в руках автомат с приставным прикладом. Прицелился, сделал несколько одиночных выстрелов. Передал автомат женщине. Лиза, вся в чёрном, стояла рядом. “Тень мужчины”, — мелькнуло в сознании Сергея.

Женщина в чёрном выстрелила. Чуть отклонилась, прочувствовав отдачу. Отставила правую ногу назад, как учил инструктор, выстрелила несколько раз подряд.

Всё происходило в лесистом ущелье, где-то за пределами села. Мишенью был силуэт человека с двумя выведенными точками: лоб и сердце.

Лизе нравилось стрелять! Возвращая автомат, она смотрела — выходило в камеру — с гордостью. Будто знала, что этот взгляд её, победный, увидит он, Серый.

Но с каким обожанием смотрел на его бывшую жену Чеченец — так звали Эльсана в детстве, когда всем давали клички. Хотя на самом деле отец его был лакец, а мама — татарка. Серёжа Головин (по детству — Голова) хорошо помнил: седовласый, казалось, древний дядя Цехил подбивал ботинки в будке у рынка. Гвоздики рядом он держал в зубах. Взмахивал молотком

и, не разжимая зубов, гордо и горячо говорил: “Знаешь, кто такой Амет-хан?! Дважды герой Советского Союза, лётчик-истребитель! Знаешь, кто был его отец? Лакец! — Он с силой тыкал себя в грудь. — Мы, лакцы, самый воинственный народ на Кавказе! А кто была мама Амет-хана — крымская татарка! Как мама Эльсана! А-а! Понял?!”

— Красивая, — произнёс зайка без запинки.

— Ты её знал раньше?

— В-видел. С тобой. В г-г-городе. — Чеченец очень смущённо улыбался.

— Слушай! — стало доходить до Сергея. — В кадре — виноград ещё на ветках! Это же, выходит, месяца три назад снимали!

— Этот, который учил с-стрелять, уже п-погиб.

— У тебя какая-то агентура своя, что ли? — поинтересовался Серый.

— Это всё из интернета. М-мне п-просто сделали под-б-борку...

Эльсан запустил новый сюжет. Пустыня. Караван. Палатка бедуинов...

Звонок телефона вырвал Сергея из состояния, близкого к присутствию в параллельном измерении.

— Ты где пропал?! — кричал прораб Олег. — Подпись твоя нужна! Ты хоть там застрадайся, но поставь свою закорючку!..

— Да поставь её за меня!

— А заказчик вот не хочет, чтобы я ставил. Хочет, чтобы ты!

— Всё, еду.

Не успел сунуть мобильник в карман, снова звонок:

— Ты почему не отвечаешь?! — тараторила мама. — Тебе из садика дозвониться не могут! У Селинки температура!..

Эльсан заторопился с помощью:

— Я т-т-т-т-т-те...

Сергей закивал, поняв, что приятель скинет ему файлы.

На перекрёстке Красноармейской и Десантников, излюбленном для гаишников, капитан Лёня замахал палочкой.

— Новый анекдот! — хохотал высоким голосом гигант.

— Не могу, спешу, в садик, в садик!

— Шесть сек! А то штрафану — поворотники-то кто будет за тебя включать? — расплылся в улыбке гаишник. — Идут Штирлиц и Шерлок Холмс по Киеву — и набрали на Майдан. Штирлиц забегает на сцену Майдана, хватает микрофон и кричит: “Да здравствует Советский Союз! Слава КПСС!” Ему Майдан хором: “Героям слава!” Штирлиц спускается со сцены: “Холмс, а почему меня не побили?” “Элементарно, Штирлиц, вы были в эсэсовской форме!”

— Ха-ха-ха, — засмеялся Сергей, чуть не плача.

Тронулся, поехал, и машину как-то повело, повело. Так что пришлось свернуть в тупичок слева, в “кармашек” возле церкви. Тьма разверзлась перед глазами: прокол! Диск заел резину.

Выскочил остановить такси — никого! И фура с порта улицу перекрыла — Лёня там, видно, свой интерес справлял. Вытащил запаску. Болты на колесе прикипели. Он давил ногой на баллонный ключ, который со скрипом, казалось, выкручивал что-то из его сердца.

— Бог из чего создал человека?! — словно созданный из воздуха, объявился рядом Марк Самуилович.

Сергей продолжал давить на баллонный ключ: ну, как-то мало его интересовало, из чего Бог создал человека!

— Бог создал человека из глины! — страстно продолжил мысль бывший редактор. — А что такое глина?

Болт, наконец, поддался, и Сергей склонился к колесу, вместо скрипа болтов услышав свой зубовой скрежет.

— Что такое глина?! — взвился Марк Самуилович.

Серый хотел было послать его — глину месить! Но сосед, вытянувшись в струнку, расширив глаза, смотрел с такой надеждой и тоской, из другого, будто бы, опять же, параллельного мира! Сумасшедший, конечно, ну да,

а кто не сумасшедший? Он, бегающий за своей тенью? Гаишник Лёня, перекрывший улицу ради потехи? Эльсан, который как увидел, так и влюбился в его сбежавшую жену?

— Глина, — не в силах был дожидаться ответа старый еврей, — это кремний! Сегодня микросхемы на основе чего созданы?! На основе кремния! А человек на основе чего создан?

— На основе глины. — Серому показалось, что он здорово помог закрутить мысль: по Библии-то, из глины, кажется, Бог Адама слепил?

— На основе углерода! — был устремлен на него воспалённый взор прорывавшегося к истине человека. — Но жизнь может быть создана и на основе кремния! Абсолютно идентичная жизнь! Но с другой частотой дискретности!

Серый решительно кивнул, подумав про себя, что ему тоже решительно надо менять “частоту дискретности”. Смыслов может быть много, но есть один, простой, непререкаемый: если ты дал жизнь детям, то обязан их вырастить. И нечего искать ни свою, ни чужую тень. Почему он, зная, что у дочери температура, помчался сначала по делу: ну, вроде, подпись поставить быстренько, а если за ребёнком заехать, ты уже и повязан. Да Бог с ними, со всеми подписями, делами, женщинами, даже если это жена и мать твоих детей. Всё же просто. Произвёл на свет — расти!

Серый ставил запаску, а Марк Самуилович всё кружил рядом, вдалбливая в самое ухо про компьютерную материнскую плату, которая идентична Адаму. Колокола зазвонили в храме, переливчато, мягко. И пока Марк Самуилович, подняв взор, отвлёкся на решение новых вопросов, Серый поспешил на водительское сидение, и был таков.

(Окончание следует)